

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію съ доставкою и пересылкою **ШЕСТЬ РУБ.** Подписка принимается при Духовной семинаріи.

Объявленія принимаются только позади текста. Цѣна за строку петита по 10 коп. За разсылку при Епарх. Вѣдом. отпеч. объявл. взимается 3 р.

№ 11.

1-го іюня
1915 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

СОДЕРЖАНІЕ: ВИСОЧАЙШІЯ награды.—Архипастырское благословеніе.—Отъ Бловшѣнской Духовной Консисторіи.—Извѣстія по епархіи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Бловшѣнской Духовной Семинаріи и соединеннаго съ нею духовнаго училища, составленный по окончаніи учебныхъ занятій 1914-15 учебнаго года.—Списокъ воспитанницъ Бловшѣнскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, составленный по окончаніи учебныхъ занятій 1914-15 учебнаго года.—Отъ Правленія Бловшѣнской Духовной Семинаріи.—Отъ Епархіальнаго Училишнаго Совѣта.

ВИСОЧАЙШІЯ награды.

ГОСУДАРЬ, ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6 день мая 1915 года, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ лицъ Бловшѣнской епархіи. нижеслѣдующими знаками отличія: за службу по Епархіальному Вѣдомству: *Орденомъ Св. Анны 3-й степени* гор. Бловшѣнска настоятеля Каѳедральнаго

собора, протоіеря Николая Вознесенскаго, гор. Благовѣщенска Вознесенской Кладбищенской церкви протоіеря Николая Логинова, священника той-же церкви Ксенофонта Соколовскаго; *палицею*—гор. Благовѣщенска Покрово-Николаевской церкви протоіеря Александра Васильева; *саномъ протоіеря*—гор. Благовѣщенска Каѳедрального собора священника Алексія Покровскаго; *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*,—гор. Благовѣщенска Свято-Троицкой церкви Албазинскаго женскаго монастыря священника Василя Осипова; *камилавкою*—противораскольнической миссіи священника Александра Рындина; гор. Хабаровскаго Алексѣевской церкви священника Леонида Тихвинскаго; *благословеніемъ Святѣйшаго Синода съ грамотою*—Хабаровскаго Успенскаго собора діакона Петра Попова; **за заслуги по гражданскому и военному вѣдомству:** *саномъ протоіеря*—законоучителя Хабаровскаго графа Муравьева Амурскаго кадетскаго корпуса священника Аркадія Прозорова; *орденами: Св. Анны 3-й степени*—преподавателя Благовѣщенской Духовной Семинаріи, статскаго совѣтника Ивана Дроздова; *Св. Станислава 3-й степени*—преподавателей той же Семинаріи надворныхъ совѣтниковъ Стефана Бухаревича и Михаила Солотчина.

Архипастырское благословеніе.

Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Евгенія, Епископа Приамурскаго и Благовѣщенскаго, отъ 10 мая 1915 г. за № 1664, крестьянину села Овсянки, Амурской области, Димитрію Батышову за пожертвованіе трехсотъ рублей на пріобрѣтеніе для Овсянковскаго храма иконы Св. Николая, Мурликійскаго Чудотворца преподано Архипастырское благословеніе въ грамотѣ.

Отъ Благовѣщенской Духовной Консисторіи.

Благовѣщенская Духовная Консисторія, во исполненіе опредѣленія Благовѣщенскаго Епархіального Начальства, отъ 19—20 мая 1915 года за № 4971/1787, предписываетъ духовенству епархіи не приступать къ крещенію евреевъ безъ разрѣшенія на это, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Епархіального Начальства.

Извѣстія по епархіи.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 18 мая 1915 года за № 1756, иподіаконъ каѳедрального собора діаконъ *Лонинъ*

Грековъ, согласно его прошенію, **перемѣщенъ** на должность псаломщика Благовѣщенскаго кафедральнаго собора; псаломщикъ Никольской церкви при ст. Талданъ *Алексѣй Челодановъ*, **опредѣленъ** на должность иподіакона при Благовѣщенскомъ кафедральномъ соборѣ и псаломщикъ Дуйскаго миссіонерскаго причта *Іаковъ Коробка*, **перемѣщенъ** на таковую же должность къ Николаевской церкви при ст. Талданъ Амурской желѣзной дороги.

Запрещенный въ священнослуженіи и назначенный и. д. псаломщика къ церкви с. Кузнецова священникъ *Θ. Архангельскій*, предложеніемъ Его Преосвященства, отъ 15 мая 1915 г. за № 1712, **перемѣщенъ** для отправленія должности псаломщика къ церкви с. Капитоновскаго, Приморской области.

Крестьянинъ села Тамгинскаго, Приморской области, *Діомидъ Стефановъ Передрій*, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 18 мая 1915 года за № 1761, **допущенъ** къ отправленію обязанностей псаломщика при Покровской церкви с. Кузнецова, Приморской области, съ правомъ полученія жалованья.

Псаломщикъ церкви с. Капитоновскаго, Приморской области, *Сильвестръ Камоукій*, предложеніемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 12—13 мая 1915 года за № 149, **уволенъ** отъ занимаемой должности за проступки противъ должности и благоповеденія, съ занесеніемъ о семъ въ его формуляръ и съ почисленіемъ его по клировымъ вѣдомостямъ названной церкви заштатнымъ членомъ духовенства.

Псаломщикъ церкви с. Пояркова, Амурской области *Прокопій Титовъ*, предложеніемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 11—23 апрѣля 1915 г. за № 94-1406, за смертью его, **исключенъ** изъ состава церковнослужителей Благовѣщенской епархіи.

Разрядный списокъ

воспитанниковъ Благовѣщенской духовной семинарии и соединеннаго съ нею духовнаго училища, составленный по окончаніи учебныхъ занятій 1914-15 учебнаго года.

ДУХОВНАЯ СЕМИНАРІЯ.

Переводятся изъ V класса въ VI классъ.

По I разряду:

1. Хановъ Николай
2. Цха Андрей
3. Фисюра Иванъ
4. Ушморовъ Константинъ
5. Шабалинъ Николай
6. Бобковъ Иннокентій

Переводятся изъ IV класса въ V классъ.

а) по I разряду:

1. Осиповъ Владиміръ
2. Соколовъ Кронидъ
3. Денисовъ Иванъ
4. Орловъ Николай
5. Григорьевъ Иванъ
6. Поповъ Георгій
7. Янковскій Александръ

б) по II разряду:

8. Аносовъ Иванъ
9. Литвинцевъ Георгій
10. Лебедевъ Александръ
11. Васильевъ Борисъ

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ послѣ лѣтнихъ каникулъ:

12. Ли Михаилъ-по Космографіи
13. Кимъ Сергѣй-по Сочиненію (по Философіи)

Переводятся изъ III класса въ IV классъ.

а) по I разряду:

1. Гасперовичъ Максимъ
2. Мещеряковъ Михаилъ

б) по II разряду:

3. Юрьевъ Леонтій
4. Савинъ Иннокентій

5. Литвинцевъ Николай
6. Гребинскій Евгеніи
7. Осиповъ Сергѣй
8. Большаковъ Иннокентій
9. Кожемякинъ Павель
10. Шабалинъ Анатолий
11. Писаревъ Веніаминъ
12. Гончаровъ Алексѣй
13. Кудринъ Константинъ
14. Корнаковъ Константинъ
15. Логиновъ Николай

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ въ августъ мѣсяцъ с. г.:

16. Скворцовъ С.-по Геометріи
17. Уточкинъ Александръ-по Гражданской исторіи
18. Варсановичъ Иванъ-по Геометріи и Гражданской исторіи.

Переводятся изъ II класса семинаріи въ III классъ.

а) по I разряду:

1. Гончаровъ Василій

б) по II разряду:

2. Просвировъ Θεодотъ
3. Писаревъ Александръ
4. Филоненко Косьма
5. Могилевъ Викторъ
6. Деркачъ Илларионъ
7. Пуртовъ Аркадій
8. Ивановъ Александръ
9. Гурылевъ Антоній
10. Евсѣевъ Михаилъ
11. Епифанцевъ Николай
12. Апеллесовъ Борисъ
13. Рябченко Павель
14. Ли Андрей
15. Яковлевъ Геннадій

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ въ августъ мѣсяцъ с. г.:

16. Коллеговъ Андрей-по Алгебрѣ
17. Романюкъ Константинъ-по Алгебрѣ
18. Вѣнчаевъ Владиславъ-по всѣмъ предметамъ

г) оставляется на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

19. Ташлыковъ Стефанъ.

Переводятся изъ I класса во II классъ:

а) по I разряду:

1. Коршуновъ Александръ
2. Коршуковъ Даніиль
3. Шабалинъ Веніаминъ

б) по II разряду:

4. Поляковъ Николай
5. Колотовкинъ Павелъ
6. Коваликъ Сергѣй
7. Каюковъ Адрианъ
8. Будниковъ Антоній
9. Шастинъ Философъ

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ въ августъ мѣсяцъ с. г.:

10. Першинъ Сергѣй-по Алгебрѣ
11. Смычниковъ Стефанъ-по Алгебрѣ
12. Шульга Владиміръ-по Алгебрѣ

Переводятся изъ IV класса духовнаго училища въ I классъ семинаріи.

а) по I разряду:

1. Гущинъ Кирилль

б) по II разряду:

2. Кислицынъ Петръ
3. Олейниковъ Николай
4. Мацюпа Петръ
5. Головинъ Сергѣй
6. Литвинцевъ Иннокентій
7. Кислый Леонтій
8. Ковалевъ Антоній

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ въ августъ мѣсяцъ с. г.:

9. Попковъ Георгій-по Сочиненію
10. Шишаловъ Александръ-по Церковному Уставу и Латинскому языку.
11. Леонидовъ Александръ-по Церковному Уставу и Ариѳметикѣ
12. Серговскій Вячеславъ-по Катихизису, Ариѳметикѣ и Сочиненію

г) оставляется на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

13. Вѣнчаевъ Иннокентій

Переводятся изъ III класса духовнаго училища въ IV классъ духовнаго училища.

а) по I разряду:

1. Миролобовъ Сергѣй
2. Счастливецъ Николай
3. Рындицъ Леонидъ

б) по II разряду:

4. Шастинъ Николай
5. Савинъ Николай
6. Хонгени Петръ
7. Писаревъ Михаилъ
8. Ганжа Николай
9. Петровъ Константинъ
10. Паргачевскій Александръ

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ въ августѣ с. г.:

11. Артемьевъ Михаилъ-по Катихизису
12. Гертманъ Алексѣй-по Русскому письменно и Латинскому
13. Тополь Филиппъ-по Греческому яз. и Русскому языку письменно
14. Шевченко Николай-по Ариѳметикѣ и Русскому устно
15. Любовичъ Иннокентій-по Катихизису, Греческому и Русскому письменно
16. Литвинцевъ Иннокентій-по Греческому, Латинскому и Русскому письменно

г) оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

17. Олейниковъ Алексѣй
18. Ковалевъ Ѳеодоръ
19. Голобоковъ Константинъ.

Переводятся изъ II класса духовнаго училища въ III классъ.

а) по I разряду:

1. Мининъ-Ивановъ Георгій
2. Меркуловъ Иннокентій

б) по II разряду:

3. Сугакъ Анатолій
4. Михайловъ Иванъ
5. Ляпуновъ Георгій
6. Орловъ Иванъ

7. Тетеринъ Владиміръ
8. Романюкъ Николай
9. Балабановъ Феодоръ

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ послѣ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ с. г.:

10. Алферовъ Аркадій-по Русскому письменно и устно
11. Дацюкъ Александръ-по Русскому устно
12. Звѣревъ Георгій-по Церковному пѣнію
13. Ивановъ Иванъ-по Русскому устно и письменно
14. Каверинъ Аркадій-по Русскому письменно и устно и по Географіи
15. Кольцовъ Григорій-по Латинскому и Ариѳметикѣ
16. Корнаковъ Леонидъ-по Русскому яз. письменно
17. Коростелевъ Василій-по Русскому письменно
18. Кудринъ Григорій-по Русскому устно и письменно
19. Любовичъ Михаилъ-по Русскому письменно и Латинскому яз.
20. Папинъ Сергѣй-по Латинскому и Ариѳметикѣ
21. Пшеничниковъ Алексѣй-по Церков. пѣнію
22. Скриповъ Борисъ-по Географіи
23. Чмиревъ Василій-по Русскому яз. письменно

г) оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

24. Головинъ Петръ
25. Полуполтинновъ Петръ
26. Пѣстунъ Андрей.

Переводятся изъ I класса духовнаго училища во II классъ.

а) по I разряду:

1. Шастинъ Григорій

б) по II разряду:

2. Шашковъ Василій
3. Гильцебахъ Иванъ
4. Иванія Семенъ
5. Швецовъ Владиміръ
6. Чирковъ Николай
7. Гаркуша Иванъ
8. Кузьминъ Виталій
9. Урлаповъ Константинъ
10. Катаевъ Иннокентій
11. Клименко Василій

12. Тесикъ Владиміръ

13. Гавриловъ Николай

в) допускаются къ повѣрочнымъ переводнымъ испытаніямъ послѣ каникулъ въ августѣ мѣсяцѣ с. г.:

14. Кисель Иннокентій-по Русскому письменно

15. Рындицъ Анатолій-по Русскому-письменно

16. Арсененко Александръ-по Географіи и Русскому письменно.

17. Драчевъ Антонъ-по Св. исторіи и Русскому яз. устно

18. Евдокименко Федоръ-по Русскому письменно и устно

19. Ждановъ Алексѣй-по Русскому яз. устно и письменно

20. Кузьминъ Иванъ-по Св. исторіи и Русскому письменно

21. Пуртовъ Вячеславъ-по Русскому яз. устно и письменно

22. Родіоновъ Вячеславъ-по Св. исторіи и Ариѳметикѣ

23. Рябченко Георгій-по Русскому устно и письменно

24. Степановъ Иванъ-по Русскому яз. устно и письменно

25. Тарала Андрей-по Ариѳметикѣ и Русскому яз. устно

26. Филатовъ Петръ-по Церковному пѣнію и Русскому яз. письменно

27. Шульга Викторъ-по Св. исторіи и Русскому яз. письменно

28. Поляковъ Михайль-по Русскому яз. устно и письменно и Ариѳметикѣ

29. Литвинцевъ Иванъ-по Русскому яз. устно и письменно и чистописанію

30. Черныхъ Алексѣй-по Русскому яз. устно и письменно и Ариѳметикѣ

31. Савинъ Петръ-по Св. исторіи

г) оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности:

32. Богдановъ Владиміръ

33. Чепуровъ Михайль

д) увольняется по малоуспѣшности съ балломъ поведенію пять (5):

34. Клименко Меѳодій.

15 мая 1915 года.

Ректоръ Семинаріи, протоіерей Александръ Миротубовъ.

За Секретаря Правленія, М. Соловчинъ.

С П И С О К Ъ

воспитаницъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Женскаго училища, составленный по окончаніи учебныхъ занятій 1914-15 уч. года.

Воспитанницы VII класса, по окончаніи экзаменовъ удостоившіяся свидѣтельства о прохожденіи курса наукъ означеннаго класса.

- 1) Гущина Іуліанія
Добротворцева Зинаида
Жданкина Параскева
Копыльцова Агафія
- 5) Логинова Ольга
Писарева Раиса
Савина Клавдія
- 8) Турова Васса.

Воспитанницы VI класса, удостоившіяся аттестатовъ по окончаніи экзаменовъ.

1)	Виноградова Серафима		
	Гаврилова Марія		
	Головина Лидія	съ наградой	II ст.
	Добротворцева Елисавета	”	”
5)	Клименко Любовь	”	”
	Красильникова Раиса	”	”
	Кудрина Анастасія		
	Литвинцева Марія	”	”
	Логинова Нина	”	”
10)	Маркова Θεокт.	”	”
	Мелисова Нат.	”	”
	Меркулова Нат.		
	Мосина Варвара		
	Мунгалова Ант.		
15)	Осипова Зинаида	съ наградой	I ст.
	Островитянова Софія	”	”
	Романовская Клавдія	”	”
	Рябченко Татьяна	”	”
	Сонькова Анна		
20)	Самарина Марія	съ наградой	II ст.
	Соболева Олимп.	”	”
	Степаненко Зинаида	”	”
	Титова Агнія	”	”
	Тополь Евдокія	”	”

- Вознесенская Евгения
Денисова Анна
Севастьянова Анаст.
Янова Ант.
- 10) Червинская Мария
Трегубова Илларија
Секисова Вѣра
Павлова Мария
Мышкина Галина
- 15) Иванова Евфрос.
Мирошниченко Христ.
Паргачевская Лидія
Алѣва Мария
Луппова Надежда
- 20) Пляскина Анисія
Хижнякъ Екат.
Дацюкъ Зинаида
Пляскина Валент.
Цесарская Анфиса
- 25) Черепанова Зоя
26) Хайдукова Александра.

Имѣеть сдать перезнаменовну по русси. письм.

Куликова Наталія:

Остается на повторительный курсъ по болѣзни.

Никитина Наталія.

Переводятся въ IV классъ.

1)	Соловьева Валент.	съ наградой	I ст.
	Сидорова Анаст.	" "	I ст.
	Уварова Ольга	" "	II ст.
	Карчевская Іуліанія	" "	" "
4)	Минаева Мария	" "	" "
	Ульянова Вѣра	" "	II ст.
	Ляпунова Марина	" "	" "
	Алферова Таисія	" "	" "
	Лопатина Вѣра	" "	" "
10)	Мартыненко Мария	" "	" "
	Аверичева Анаст.	" "	" "
	Пуртова Вѣра	" "	" "
	Колчева Капит.	" "	" "
	Колесникова Павла	" "	" "
15)	Маркова Антон.	" "	" "
	Соболева Ант.	" "	" "

- Вѣнчаева Маріамна
Никитина Марія
Латынцева Параск.
20) Верхотурова Гликерія
Юрченко Глафира
22) Юрченко Елизав.

Имѣють сдать перекламеновни:

- Аверичева Нат.-по франц. яз.
Гаксъ Марія-по франц. яз.
Кобысъ Марія-по русск. уст. и письм.
Лопатина Пелагія-по Закону Бож., географіи и гражд.
исторіи
Лепешкина Параск.-по географіи
28) Цесарская Анфиса-по Зак. Бож. и географіи.

Переводятся въ III классъ.

1) Тріюдина Зинаида,	съ наградой	I ст.
Хонгени Капитолина	”	II ст.
Добротворцева Валентина	”	II ст.
Мѣшкова Ксенія	”	II ст.
5) Паргачевская Евдокія		
Полякова Александра		
Онуфріенко Евфр.	съ наградой	II ст.
Шокало Анна		
Логинова Алекс.		
10) Вершинина Марія		
Каюкова Нина		
Титова Валент.		
Савина Наталія		
Кустова Вѣра		
15) Литкова Таисія		
Рыбина Ксенія		
Савицкая Александра		
Рагузина Марія		
Гаряева Екат.		
20) Мееодьева Марія.		

Имѣють сдать перекламеновни:

- 21) Андреева Екат.-по славянскому яз.
Афракова Сераф.-по славянскому яз.
Герусъ Θεодора-по славянскому языку
Сметанина Нина-по славянскому яз.

- 25) Ческидова Марія—по славянскому яз.
Гаряева Марія—по географіи
Камарицина Анф.—по географіи
Минина Валент.—по географіи
Морозова Ирина—по географіи.
- 30) Боженко Вѣра—по русск. уст., геогр. и франц. яз.
Брестъ Анна—по русск. пис. и уст., слав. и франц. яз.
Кирѣвская Р.—по русск. яз., ариѣм. и географіи
Кушнарѣва Ек.—по русск. уст. пис., слав. яз.
Островитянова Анна—по геогр., франц. яз.
Просольныхъ Клавдія—по русск. уст. и писм. и геогр.
Самарина Лидія—по русск. пис., слав., геогр.
Чупряева Ксенія—по гражд. ист. и слав. яз.
- 38) Мосина Клавдія—по ариѣметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ:

- Загвоздина Клавдія
- 40) Ватинская Евгенія (по взносѣ причитающагося долга за 1914-15 уч. годъ).

Исключается изъ списковъ за смертію —

- 41) Дойненко Варвара.

Переводятся во II классъ.

1) Романюкъ Клавдія	съ наградой	I ст.
Ющенко Анна	"	II ст.
Мищенко Неонилла	"	II ст.
Тучина Марія	"	II ст.
5) Марчевская Марія	"	II ст.
Маркова Надежда	"	II ст.
Павленковичъ Вѣра		
Сосунова Екат.		
Денисова Зоя		
10) Добротворцева Нат.		
Костина Татіана		
Сердобольская Елис.		
Медъ Анна		
Рѣшетникова Клав.		
15) Селезнева Анна		
Головина Анна		
Иванова Нат.		
Новоктонова Анна		
Сухарева Вѣра		

- 20) Тонкихъ Нина
Крокау Софья
22) Кимъ Дарія.

Имѣютъ сдать перезнаменовки:

- Гармсъ Валентина—по ариѳметикѣ
Евдокименко Ольга—по ариѳметикѣ
25) Медвѣдева Вѣра—по ариѳметикѣ
Мужиченко Татьяна—по ариѳметикѣ
Бурда Нат.—по франц. яз.
Пріймакъ Параск.—по франц. языку
Будникова Елис.—по русск. уст. и ариѳметикѣ
30) Ершова Варв.—по ариѳметикѣ, слав. и фр. яз.
Свинцова Над.—по русск. письм. и слав. яз.
Стукова Валент.—по ариѳм. и слав. языку.

Оставляется на повторительный курсъ по болѣзни—

- 33) Таманова Капитолина.
-

Отъ Правленія Благовѣщенской духовной семинаріи.

Правленіе Благовѣщенской духовной семинаріи доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что осеннія пріемныя испытанія для поступающихъ въ училище, а равно и переклазенки въ семинаріи и училищѣ имѣютъ производиться съ 18 Августа сего 1915 года.

Для свѣдѣнія вновь поступающихъ объявляется, что въ 1 классъ духовнаго училища принимаются мальчики отъ 10 до 12 лѣтъ, знающіе:

1. По Закону Божію,—общеупотребительныя молитвы, утреннія и вечернія, символъ вѣры, заповѣди, тропари главнѣйшихъ праздниковъ, краткую исторію дванадцатыхъ праздниковъ, самыя главныя событія изъ Священной исторіи Ветхаго Завѣта и Новаго Завѣта.
 2. По русскому языку,—умѣнье свободно передавать прочитанное своими словами, знакомство съ измѣняемыми частями рѣчи и предложеніями, умѣнье писать подъ диктовку безъ грубыхъ ошибокъ, умѣнье читать и переводить (изъ евангелія) по славянски.
 3. По ариѳметикѣ,—разряды и классы цифръ, нумерація, ариѳметическія дѣйствія надъ отвлеченными числами, устные задачи въ предѣлахъ сотни.
-

Въ остальные классы училища пріемныя экзамены будутъ производиться въ предѣлахъ программы предыдущихъ классовъ.

Желающіе быть принятыми на полное казенное содержаніе и полуказенное должны представить удостовѣреніе или „табель“ о своей бѣдности, духовные—отъ мѣстнаго благочиннаго,—а иносословные отъ своего подлежащаго начальства и, кромѣ того, отъ мѣстнаго благочиннаго и причта. Въ сихъ удостовѣреніяхъ должно быть отмѣчено: 1) чѣмъ родители ученика занимаются, 2) какое получаютъ содержаніе, 3) какое имѣютъ семейство и 4) сколько имѣютъ дѣтей учащихся.

ТАБЕЛЬ

свѣдѣній о семейномъ положеніи ученика „.....“ класса Благовѣщенск..... Духовн..... на предметъ представленія въ Правленіе семинаріи при прошеніи на казенное содержаніе 191..... года.

В О П Р О С Ы	О Т В ъ Т Ы
1. Званіе, имя и фамилія отца, у инословныхъ—и родъ занятій.	
2. Имена прочихъ членовъ семьи.	
3. Имена братьевъ и сестеръ, обучающихся въ учебномъ заведеніи, въ какихъ и на чьемъ содержаніи.	
4. Сколько родители получаютъ жалованья и доходовъ.	
5. Какія имѣютъ побочныя занятія и средства и сколько оныхъ даютъ дохода.	
6. Въ своемъ или казенномъ домѣ живутъ родители, или нанимаютъ квартиру и сколько за оную платятъ.	
7. Сколько платятъ родители за содержаніе дѣтей, находящихся въ учебныхъ заведеніяхъ.	

(Здѣсь подписываются: у духовныхъ—благочинные, а у инословныхъ—волостное или полицейское начальство).

При этомъ Правленіе семинаріи объявляетъ, что вновь поступающіе, прежде чѣмъ будутъ приняты на казенное или

полуказенное содержаніе, въ зданіе семинаріи принимаемы не будутъ.

Желающимъ поступить на пансіонерское содержаніе сообщается, что полные пансіонеры платятъ въ годъ за содержаніе 245 руб., полупансіонеры изъ духовныхъ—130 рублей, изъ инословныхъ 165 руб., при поступленіи на пансіонъ уплачивается за постельныя принадлежности 25 рублей.

Плата за содержаніе вносится по третямъ года: въ сентябрь, январь и въ маѣ. Не уплатившіе третнего взноса въ началѣ каждой трети немедленно увольняются изъ учебнаго заведенія согласно уставу. Вмѣстѣ съ тѣмъ родители, родственники или опекуны должны въ началѣ cadaго учебнаго года давать письменное обязательство въ томъ, что они уплатятъ всю сумму, какая будетъ слѣдовать за ученика въ учебномъ заведеніи. Родители, родственники и опекуны, отдаваемыхъ въ общежитіе дѣтей въ началѣ cadaго учебнаго года непременно должны представлять Правленію семинаріи подписку лицъ, которые жили бы въ г. Благовѣщенскѣ и обязаны были бы, въ случаѣ увольненія ученика, немедленно взять уволеннаго къ себѣ впредь до отправленія на родину.

Правленіе семинаріи предупреждаетъ, чтобы родители и родственники поступающихъ въ семинарію и училище при отправленіи послѣднихъ неотложно озабачивались снабженіемъ ихъ въ достаточномъ количествѣ одеждою и обувью.

РОСПИСАНІЕ

повѣрочныхъ, переводныхъ и пріемныхъ испытаній.

18 августа, Вторникъ. Сочиненія для воспитанниковъ всѣхъ классовъ семинаріи и III и IV кл. духовнаго училища и для вновь поступающихъ въ оныя; диктантъ для воспитанниковъ II и I кл. кл. училища и для вновь поступающихъ во II и III классы училища.

19 августа, Среда. а) Св. Писаніе, Церковная исторія, Катихизисъ и Церковный Уставъ—повѣрочныя и пріемныя испытанія за всѣ классы семинаріи и за IV и III кл. кл. училища, съ присоединеніемъ экзамена для поступающихъ слушателей въ богословскіе классы по Церковно-славянскому языку, б) Греческій и Латинскій яз.—повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ семинаріи и училища и пріемныя въ семинарію и училище, в) Русскій и Церковно-славянскій яз.—устныя повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ училища и пріемныя во II, III и IV кл. училища и I кл. семинаріи, г) Русскій языкъ письменно для поступленія въ I классъ училища.

20 августа, Четверг. а) Физика, Космографія, Алгебра, Геометрія и Тригонометрія—повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ семинаріи и пріемныя испытанія во II, III, IV и V классы семинаріи б) Законъ Божій и Церковное пѣніе для поступающихъ въ I кл. училища.

21 августа, Пятница. а) Философія, Логика, Психологія, Гражданская исторія, Отечественная исторія, Новые языки и Теорія и Исторія Словесности—повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ семинаріи и училища и пріемныя во II, III, IV и V классы семинаріи и въ I классъ семинаріи и IV классъ училища, б) Св. Исторія и Церковное пѣніе—повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ училища и пріемныя во II, III, IV классы училища и I клас. семинаріи, в) Русскій и Церковно-славянскій яз. устно для поступленія въ I классъ училища.

22. Суббота. а) Догматическое, Основное и Обличительное богословіе и Церковное пѣніе—повѣрочныя и пріемныя испытанія для вновь поступающихъ во II, III, IV, V и VI кл. кл. семинаріи. б) Ариѳметика, Географія и Природовѣдѣніе—повѣрочныя испытанія для воспитанниковъ училища и пріемныя во II, III, IV кл. кл. училища и I кл. семинаріи.

24. Понедѣльникъ. Ариѳметика для поступающихъ въ I классъ училища.

25 и 26 августа. Для запоздавшихъ.

27 августа. Педагогическое собраніе.

28 августа. Молебенъ.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Е: Къ письменнымъ испытаніямъ экзаменующіеся должны явиться съ своими письменными принадлежностями.

При прошеніяхъ о принятіи въ семинарію и училище должны быть представляемы: метрическая выпись или свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, свидѣтельство о предохранительной оспѣ и документъ объ образованіи.

15 мая 1915 года.

Отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Учащіе церковныхъ сельскихъ школъ приглашаются не позднѣе 5 іюня 1915 г. подтвердить свое желаніе получать жалованье въ городѣ, независимо отъ того, кто подалъ объ этомъ заявленіе или не подалъ, и кто вновь имѣетъ въ томъ надобность. 1915 г. 30 мая.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1 іюня

№ 11.

1915 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Лекціи по методикѣ Закона Божія (продолженіе).—Три креста.—Извѣстія и замѣтки.—Библиографія.

Лекціи по методикѣ Закона Божія*).

ГЛАВА 8-я.

Преподаваніе священной исторіи, и въ частности—исторіи Ветхаго Завета.

Устанавливая основы школьнаго изученія молитвъ и указывая, что цѣлью своею преподаваніе ихъ должно ставить не только запоминаніе текста молитвъ и сознательность чтенія ихъ, но и воспитаніе чрезъ нихъ у учащихся нравственныхъ убѣжденій и религіозной настроенности, мы, какъ видѣли, должны были дать предварительную, такъ сказать—апологию этого отдѣла Закона Божія, установить смыслъ и значеніе молитвъ вообще и въ частности для возраста школьника, въ данномъ его состояніи. Переходя теперь къ изложенію методики второго отдѣла—священной исторіи, мы застаивать необходимость преподаванія его въ нашихъ школахъ—всѣхъ низшихъ и среднихъ—уже не будемъ. Вѣдь если молитвы, сказать по правдѣ, изучаются у насъ въ школахъ часто только по вышней необходимости, только въ виду требованія программы, то у самой по себѣ священной исторіи противниковъ, кажется, нѣтъ,—ее преподаютъ въ школахъ прямо охотно.

Но зато есть, и очень громкія и даже страстныя, возраженія противъ изученія, по крайней мѣрѣ въ данныхъ размѣрахъ и постановкѣ, отдѣльныхъ частей этого священно-исто-

*) Продолженіе. См. № № 1, 3, 4, 5, 6, 8 и 9 Епарх. Вѣд. с. г.

рическаго курса. II въ педагогической—припомнимъ еще барона Корфа съ его сочиненіемъ: «Русская начальная школа» и особенно въ публицистической литературѣ, всего болѣе переносащей теперь нерасположенности въ современному еврейству и на еврейство времяяъ облейскихъ (взять хотя бы М. Меншикова) отрицается почти всякое положительное значеніе за преподаваніемъ исторіи Ветхаго Завета. Она признается и вовсе несущественною для христіанина, и вовсе малополезною для дѣтей, которымъ она-де и непонятна, и малоинтересна, и даже, своею жестокостью и вообще грубыми чертами, каковы, напр., месть, истребленіе народовъ, изображеніе Бога грозно-карающимъ—можетъ будто бы отразиться на ихъ нравственномъ развитіи прямо неблагоприятно. Христіанинъ, по этому взгляду, и долженъ знать лишь свое ученіе христіанское, духъ евангелія—одниъ только и долженъ лечь въ основу воспитанія его личности. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, во имя требованія преподавать дѣтямъ въ начальной школѣ только легкое и для нихъ интересное,—ученіе Господа Іисуса Христа, напр. въ заповѣдяхъ блаженства и притчахъ, здѣсь тоже опускается. Пусть будетъ-де только исторія.

Однако, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ урѣзываніемъ курса священной исторіи мы согласиться не можемъ. Знаніе курса священной исторіи необходимо дѣтямъ въ полномъ объемѣ, и отдѣлы Ветхаго Завета и основъ ученія Христа занимаютъ тамъ свое, законное, опредѣляемое самымъ существомъ дѣла, мѣсто. Изученіе въ школѣ священной исторіи имѣетъ свою общую цѣль; и этою общею цѣлюю опредѣляются и составныя части курса, и его основная постановка, и именно въ полномъ объемѣ.

Цѣль эта, во 1-хъ, чисто-научная, систематически—материальная. Въ каждой религіи имѣется свой необходимый *minimum* знаній, при которомъ, соотвѣстно, только и можно сказать: вотъ этотъ человекъ—дѣйствительно еврей, магометанинъ, конфуціанецъ и т. п. Въ христіанской религіи, основанной на реальномъ и личномъ откровеніи Божества, этотъ *minimum* религіозный тѣмъ болѣе необходимъ. Можно прямо сказать, что нельзя и быть христіаниномъ безъ извѣстнаго вѣроучительнаго содержанія, и прежде всего—цѣлаго ряда чисто-историческихъ по вышнему характеру, знаній, и соотвѣтствующей, также исторической, общей перспективѣ. Личность Христа правильно воспринимается нами только въ дѣлѣ спасенія. Имъ насъ отъ гибели грѣха; далѣе, эти понятія—о развитіи грѣховности въ людяхъ и необходимости Высшаго избавленія отъ нея,—не мыслимы безъ знанія Адама, патріар-

ховъ, и Божія удѣла въ родѣ человѣческомъ—всего народа Израиля. Представляемая каждымъ серьезно-мыслящимъ христіаниномъ необходимая перспектива божественнаго домо-строительства нашего спасенія охватываетъ всю общечеловѣческую исторію, въ ея основахъ, отъ творенія міра и человѣка до жизни массы человѣчества въ разсѣяніи и уклоненіи отъ Бога; исторія Ветхаго Завѣта здѣсь дальнѣйшая великая страница, какъ исторія подготовленія избранной части народовъ къ принятію спасенія, какъ „сѣнь Законная“—отблески сіянія Солнца Правды среди тьмы до-христіанскихъ вѣковъ. Пророки—это ступени восхожденія того—временнаго человѣчества къ порогу Церкви Христа. Ясно, что исторія евангельская—сразу, безъ до-христіанской, т. е. иначе сказать—ветхозавѣтной, такъ же невозможна и переальна, какъ не бываетъ день безъ утра, и какъ солнце сіяетъ намъ не съ того момента, когда оно шлетъ намъ полные снопы своихъ жаркихъ лучей, стоя у насъ надъ головами.

И въ своемъ вѣропониманіи, въ языкѣ своихъ молитвъ и особенно богослуженія, каждый изъ насъ, христіанъ, непременно мыслить—и говорить—образами библейскими. Возьмите наши христіанскія—евангельскія—иѣсни: Величитъ душа моя Господа, или Нынѣ отпущаеши... и въ особенности иѣсни канона на всепощной. Какъ часто, говоря объ искреннемъ и глубокомъ раскаяніи, мы вспоминаемъ Давида, Манассію, жителей Ниневіи. Исторія Іоны даетъ намъ глубокое и, можно сказать, исключительно богатое содержаніе для изображенія того, какъ и мы теперь погружаемся въ безднѣ грѣховъ, плі—тихаго пристанища отъ нея—въ Христовой Церкви. Вообще вся всепощная—темна и необъяснима безъ знанія Ветхаго За-вѣта, какъ, замѣтимъ, и многія мѣста самаго Евангелія, гдѣ Авраамъ, Моисей, пророки—всюду опредѣленные личности, съ извѣстною каждому историческою судьбою.

Съ этою, главнымъ образомъ научною, задачею изученія священной исторіи неразрывно связана и сторона воспитательная. Она дается прежде всего въ самой внутренней основѣ приводимыхъ въ курсѣ исторіи,—тѣхъ религіозно-правственныхъ идеалахъ, требованіяхъ и настроеніяхъ, какія живо—до очевидности—чувствуются, можно сказать, въ каждомъ библейскомъ повѣствованіи. Въдѣ эти дивныя страницы всегда говорятъ намъ о Богѣ и Его правдѣ—и любви, о человѣкѣ—его неправдѣ, но и о борьбѣ со зломъ. Та чистая, истинно-бого-угодная и потому истинно-человѣческая жизнь, какую долженъ вести каждый изъ насъ, помня о своей высшей природѣ и назначеніи и о послѣднемъ отчетѣ, жизнь, нами однако по-

стоянно нарушаемая—часто до полнаго забвенія о ней, здѣсь, въ исторіяхъ Библии, всюду *есть*, то какъ данное, то какъ живо и дѣятельно искомое, побуждающее ощутительно и въ самыхъ ваденіяхъ человѣческихъ.

И эти положенія и идеалы чистой нравственности, требованія и нормы, предлагаются здѣсь всеѣмъ не въ видѣ поученій и отвлеченныхъ сентенцій, не одному разсудочному сознанію и памяти, а—всей нашей личности, во всеѣмъ складѣ ея влеченій и чувствъ, взглядовъ и симпатій. Здѣсь все это—живыя лица, рельефно-очерченные опредѣленные свободныя дѣйствованія. Но—старая и въ педагогикѣ неоспоримо-твердо установленная истина: *praescepta docent, exempla trahunt*,—наставленія только учатъ, живые же примѣры влекутъ, прямо тянутъ за собою. Священная исторія и Новаго, и Ветхаго Завета и есть длинный и разнообразный рядъ такихъ именно живо влекущихъ примѣровъ—крѣпкой вѣры и преданности Богу до конца, благочестія, борьбы съ распущенностью и пороками и т. д., т. д.

И Ветхій Заветъ по существу своему несколько не расходится съ Новымъ, почему и Господь въ своей нагорной проповѣди и сказалъ, что пришелъ не разорить этотъ законъ, а исполнить,—привести его въ полноту и совершенство. Тамъ—Тотъ же Богъ, та же истина, тѣ же основы отношеній, но только примѣненные къ иному времени, иному развитію, инымъ людямъ. То—пора «грубости и жестокосердія» и пора дѣтства и отрочества—для человѣчества.

Такъ Самъ Спаситель и сказалъ, какъ извѣстно, по поводу допущенной Моисеемъ практики облегченнаго развода для евреевъ: Моисей по жестокосердію вашему такъ позволилъ вамъ, (Мто. XIX, 8) возводя, далѣе, бракъ въ той же, ветхозавѣтной, нормѣ, только въ видѣ изначальнаго единобрачія и какъ выводъ, установивъ основной принципъ: еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ. Не ясно ли, что и Христосъ т. е. считался съ этой исторіей и указалъ, какъ намъ относиться къ ней? Возьмемъ другой, еще болѣе извѣстный и, какъ кажется, особенно выгодный для противоположнаго мнѣнія примѣръ: Господь заповѣдалъ въ евангеліи прощеніе обидѣ—до непротивленія злему зломъ; въ Ветхомъ же Заветѣ,—какъ все знаютъ, было сказано: око за око и зубъ за зубъ: не есть ли это—противорѣчіе? И не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ прямою отмѣною того закона, какъ закона грубой мести? Конечно, различіе между тѣмъ, что заповѣдуетъ Христосъ Своимъ ученикамъ и тѣмъ, что было сказано древнимъ (см. Мто, V, 38-43) огромно. Но все же и здѣсь нельзя сказать, что это—противорѣчіе и только отмѣна по существу, по основной тенденціи.

Ошибка здѣсь вызывается неправильнымъ пониманіемъ самой ветхозавѣтной заповѣди. Дѣло въ томъ, что Моисей-Законодатель отъ Бога народу уже достаточно сложившемуся и жившему въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, бралъ въ данномъ случаѣ также уже сложившійся фактъ, прочно установившуюся практику, съ которою глубоко сроднилось и пониманіе тогдашними людьми самой справедливости. И въ частности, кровавая месть являлась тогда такимъ обычаемъ, что его можно назвать общечеловѣческимъ закономъ того времени.— Но извѣстно, что эта кровавая месть (какъ всякіе виды частныхъ «отплатъ за обиды» и въ наши просвѣщенные дни) всегда клонилась въ сторону усиленія. Обиженный всегда считаетъ за гордость, за своего рода—честь для себя, досадить обидчику побольше: тотъ посмѣялся, этотъ выругалъ его грубо; тотъ выругалъ, этотъ его ударилъ; тотъ нанесъ ему легкій ударъ, этотъ постарается избить его и т. д.; комъ отмщенія всегда растетъ съ разбѣгомъ. Такъ и въ дни Моисея за ударъ любили отвѣчать увѣчемъ, за увѣче—смертію или полнымъ изуродованіемъ.

И вотъ Моисей, регулируя и вгоняя этотъ неписанный законъ въ терпимыя, исполнимыя для его народа и болѣе отвѣчающія требованіямъ справедливости, нормы и говоритъ свое „око за око, зубъ за зубъ“,—*но не больше*. А для невольныхъ, но также подлежащихъ закону отмщенія убійцъ, онъ, въ духъ того же смягченія и большаго приближенія къ Божіей правдѣ правовъ, какъ извѣстно, по всей Израильской землѣ разбросалъ цѣлый рядъ живыхъ предѣловъ для мести—городовъ убѣжища. И такъ, сопоставляя съ этимъ заповѣдь Христа о неоплатѣ зломъ за зло, мы видимъ все то же отношеніе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, какъ и раньше. Покрѣпить законъ справедливой и разборчивой отплаты закономъ выраженія болѣе высокаго начала—братскаго невзысканія и прощенія съ передачей всего въ руки міроправящаго и все это видящаго Отца, было опять-таки лишь усовершеніемъ ветхозавѣтнаго закона, и приведеніемъ его въ соответственную высшую норму—новозавѣтную полноту.

Едва ли не самымъ неудобопріемлемымъ въ повѣствованіяхъ ветхозавѣтныхъ, блазнящимъ и даже пугающимъ разныхъ его поспѣшныхъ критиковъ, представляется отношеніе евреевъ къ другимъ народамъ, и особенно—повелѣнія имъ отъ лица Божія истребить тѣхъ или другихъ изъ шихъ: хананеевъ, аммореевъ, амаликитянъ и т. п. «Дщи Вавилоня—окаянная! восклицали они въ томъ же духѣ: блаженъ, кто воздастъ тебѣ воздаяніе, еще воздала еси намъ—расправится съ тобою также

безпощадно: блаженъ, иже разбѣетъ младенцы твоя о камень». (Псал. 136. 8, 9 ст.). Не кажется ли это слишкомъ жестокимъ и противнымъ духу христіанства, особенно для тѣхъ, кто видитъ здѣсь только національную ненависть народа къ врагамъ-сосѣдямъ.

И однако мы видимъ въ томъ же Завѣтѣ Ветхомъ и совсемъ другое, противоположное: указанія и прямыя, довольно подробныя предписанія любить иноплеменика и оказывать ему помощь и разнаго рода услуги. «Не гнушайся идумеяниномъ, ибо онъ братъ твой, не гнушайся египтяниномъ, ибо ты былъ пришельцемъ въ землю его». (Втор. 23. 7.)

— Очевидно, на сколько тутъ не было извращеній и злоупотребленій, то былъ не узкій еврейскій націонализмъ и не человѣконенавистничество. Еврей долженъ былъ думать здѣсь не о себѣ, не о своихъ расположеніяхъ и выгодахъ; амаликитяны онъ долженъ былъ уничтожать не потому, что они чужіе, враждебные евреямъ, какъ націи. Они были, и такъ и должны были трактоваться вѣрными Богу сынами Израиля, — врагами *Божіими*, всецѣло заявившими себя паразитами и противниками Святой Воли Его. Истинный израильтянинъ — благочестивый еврей зналъ ихъ съ той стороны, за то призывалъ бѣды на главу ихъ, «яко во мнозѣмъ они преогорчиша Тя, Господи». Лично въ немъ выражалось здѣсь отвращеніе и раздраженіе противъ губящаго все доброе грѣха и царящаго въ сильныхъ земли — зла. Наказаніе и даже гибель ихъ представлялись ему проявленіемъ правосудія Божія и знаменіемъ силы Его. Всѣ эти злые и развращенные хананей, халдеи и амаликитяне всею своею жизнію являлись реализаціею и проводниками порчи и грѣха въ міръ, такъ какъ его возлюбили и ему уже сознательно служили. За это упорное противленіе, порчу и зло до конца, они и вызывали на себя грозное, карающее ихъ опредѣленіе Божіе, и евреи, исполняя прямое повелѣніе о томъ, только являлись однимъ изъ орудій обнаруженія гнѣва Его на крайнее нечестіе человѣческое, охватывающее весь составъ народа отъ стариковъ и даже до младенцевъ, въ томъ наслѣдствіи, какое они получили. Отрицать же и подобное проявленіе кары Божіей на людей можно только не признавая и промыслительной дѣятельности Божіей вообще, по которой ни одно событіе съ человѣкомъ и народами не совершается безъ соизволенія Божія (но за такими скептиками мы уже не поидемъ), и еще болѣе — несомнѣнной исторической дѣйствительности, по которой такія и подобныя, порою — чисто стихійныя крушенія съ народами, отъ временъ потопа и Содома и Гоморры, бывали и бываютъ. И Спаси-

тѣль; когда указали ему на подобное бѣдствіе съ группою галилеянъ, коихъ кровь Пилать смѣшалъ съ жертвами, принесенными имъ въ храмъ, сказалъ: «думаете ли вы, что эти галиляне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете». (Луки XIII. 1-2).

Итакъ, и самыя, такъ сказать, рѣзюція, самыя крупныя отличія Ветхаго Завѣта отъ ученія новозавѣтнаго, христіанскаго, суть только отличія степеней, условій и способа осуществленія началъ одной природы и одного духа. И религіозное ученіе—ученіе чистѣйшаго монотеизма и Богоприсутствія въ мірѣ, и ученіе нравственное въ Ветхомъ Завѣтѣ стоятъ чрезвычайно-высоко и вполне достойны названія подготовительной школы къ принятію Евангелія. Напомнимъ здѣсь еще хотя бы ученіе о любви—самую сущность ученія христіанскаго. Откуда самъ Господь бралъ заповѣдь о томъ, чтобы прежде и больше всего намъ любить Бога и затѣмъ ближняго своего, какъ себя? Да все изъ того же Ветхаго Завѣта—Закона, даннаго чрезъ Моисея еврейскому народу. (ср. Второз. VI. 5-9).

Но если, такимъ образомъ, изучать ветхозавѣтную исторію необходимо и для каждаго мало-мальски образованнаго чело-вѣка, если она должна представлять собою, такъ сказать—общій фонъ, на которомъ воспринимается и получаетъ надлежащее освѣщеніе и самая исторія новозавѣтная, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что во имя этихъ требованій должна быть изучаема болѣе или менѣе подробно политическая исторія народа еврейскаго. А между тѣмъ законоучители, иногда и низшихъ, а главнымъ образомъ средне-учебныхъ заведеній слишкомъ уже увлекаются порою этой политической исторіей и во многихъ учебникахъ она стоитъ на первомъ мѣстѣ (напр., хотя бы въ распространенномъ уч. Рудакова). И нестрять тамъ имена и частности, разные Герозамы, Факен, Горамы, Охозии и перипетіи борьбы съ сирійцами, запоминается цѣлый рядъ мелко-еврейскихъ событій и обстоятельствъ, а пророки съ ихъ дѣятельностью отходятъ далеко на задній планъ.

Въ преподаваніи исторіи Ветхаго Завѣта особенно необходимо помнить основную цѣль этой исторіи, какого рода знанія и вліянія нужны для учащихся. И всюду, а тѣмъ болѣе въ школахъ пачальной, братъ слѣдуетъ только именно основное, дѣйствительно—важное для христіанина, а значить—имѣющее или вообще необходимое отношеніе къ системѣ христіанской, или явный религіозно-нравственный надлежащій отпечатокъ.

Исторія ветхозавѣтная и во вторую, большую свою половину, есть не исторія самого по себѣ народа еврейскаго, а

исторія истиннаго богопочтенія и благочестія въ немъ. Этимъ и долженъ всецѣло опредѣляться какъ выборъ учебнаго матеріала, такъ и то, подь какимъ угломъ зрѣнія и въ какомъ освѣщеніи ставить и комбинировать его. Конечно, въ этомъ случаѣ не нужно слишкомъ ужь урѣзывать и очищать этотъ матеріалъ. Не только свѣтлое, но и темное полезно здѣсь изучать, а потому, наряду съ образцами вѣры и благочестія должны входить сюда и нечестивые цари. Но будутъ ли или это моменты повышенія или пониженія, но только въ одномъ направленіи, одномъ теченіи—въ сторону осуществленія въ жизни началъ истинной вѣры и нравственности, храненія откровенія Божественнаго.

И такъ какъ главная и центральная идея Ветхаго Завета—идея мессіанская, приготовленіе еврейства и чрезъ него всего человѣчества къ принятію обѣщаннаго имъ Мессіи-Христа, то всеѣмъ относящимся сюда фактамъ, откровеніямъ и лицамъ и нужно удѣлять всего больше вниманія и отводить наиболѣе видное мѣсто. Отъ первоевангелія о Сѣмени—въ раю—и до Іоны, отъ Моисея и до Малахіи—все эти указанія,—прообразы и пророчества о Спасителѣ должны быть сообщены и надлежащимъ образомъ отѣнены учащимся, чтобы и послѣдніе навѣки видѣть въ Немъ Утѣху Израилеву и свѣтъ во откровеніе для языковъ.

Теперь—замѣчаніе болѣе частнаго характера. Нельзя удѣлять такъ мало вниманія, какъ это дѣлается обыкновенно, послѣднему періоду исторіи еврейскаго народа—съ плѣна вавилонскаго. Періодъ этотъ представляется, наоборотъ, особенно важнымъ—въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ, въ эту именно пору евреи входятъ въ соприкосновеніе съ передовыми и наиболѣе извѣстными народами древности—вавилонянами, персами, греками. Все болѣе втягиваясь въ круговоротъ общечеловѣческой исторіи, евреи начинаютъ вліять просвѣщающе на лучшихъ сыновъ ихъ, привлекая и ихъ къ своимъ вѣрованіямъ и чаяніямъ. Въ этомъ и сказывается исключительное значеніе еврейства для народовъ древности и дается основаніе того прозелитизма, который такъ тѣсно сплетается съ христіанствомъ апостольскаго періода. Но еще болѣе важно то обстоятельство, что и слушалъ ученіе Іисуса Христа, и вошелъ въ церковь Его именно этотъ послѣ-плѣнный Израиль. Въ тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли съ нимъ послѣ урока плѣненія, кроются нити главныхъ объясненій отношенія современниковъ къ Мессіи своему. Тутъ—и напряженныя ожиданія, въ испытаніяхъ тяжелой исторіи окрѣпшая вѣра въ Него; здѣсь основы лучшаго идеализма сыновъ Израиля. Но

здѣсь же — и нагроможденіе преданій старцевъ, властный деспотизмъ «учителей», особенно фарисеевъ, и столь широко разлившійся отъ нихъ узкій и извращенный націонализмъ евреевъ, поставившихъ себя въ челѣ всѣхъ народовъ и ожидавшихъ отъ Христа почти только земного царства, съ грубоощутительными вещественными и эгоистическими благами.

Протоіерей *Н. Вознесенскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Три креста.

(Страничка войны).

Вечерѣло. Обычная дневная перестрѣлка затихла. И опять томительное, остро-нервное настроеніе начинало охватывать солдатъ 6 роты *Н.* пѣхотнаго полка. Они третій день занимали передовые окопы и уже двѣ ночи какъ нѣмцы, пользуясь темнотою, густыми колоннами резервовъ ходили на нихъ въ атаку и каждый разъ съ большими потерями отступали, подобравъ раненыхъ и убитыхъ. Ожиданіе третьей атаки еще съ утра начинало взвизгивать солдатъ. Двѣ безсонныхъ ночи, страшные напряженные бои и дни въ постоянной перестрѣлкѣ утомили всѣхъ.

Завтра ихъ должны смѣнить. Они уйдутъ въ тылъ, выспятся, обогрѣются. Эта мысль рисовалась такъ заманчиво, такъ красиво, что даже не вѣрилось ей. А предстоящая атака заставляла забывать близкій отдыхъ. Всѣ были увѣрены, что нѣмцы произведутъ ее рѣшительно, чтобъ сломить упорство русскихъ.

Это чувствовалось по жестокому обстрѣлу окопа непріятельской артиллеріей и по едва замѣтнымъ приготовленіямъ недалекаго врага. И всѣ чутко прислушивались, вглядывались въ непріятельскіе окопы и жили одной мыслью о предстоящей атакѣ.

Нашъ окопъ тянулся наискось поля, упираясь однимъ концомъ въ опушку лѣса, тоже занятую ротами *Н.* полка, а другимъ въ быстрый ручей, который теперь, благодаря непрерывнымъ дождямъ, превратился въ широкую, шумливую рѣчку. Непріятельскій окопъ тянулся почти параллельно въ пятистахъ шагахъ и тоже однимъ угломъ упирался въ рѣчку, а другимъ пропадалъ въ мелкомъ кустарникѣ. Посрединѣ окоповъ лежало черное, изрытое снарядами поле, голое и какое-

то страшное. Ночью, послѣ бурной атаки, оно было полно трупами убитыхъ враговъ и по землѣ долго, долго, почти до самаго разсвѣта, ползъ стонъ раненыхъ и умирающихъ, и теперь на немъ кой-гдѣ валялись брошенные ружья, патронныя сумки, тесаки, а иногда вѣтеръ гналъ обрывки мундировъ и потерянныхъ фуражекъ, и солдатамъ невольно вспоминались груды тѣлъ и стонъ умирающихъ. Они старались не смотрѣть на брошенные предметы, не думать о нихъ..

Понемногу умолкала артиллерійская канонада, только тамъ, гдѣ-то за лѣсомъ, еще сухо трещали пулеметы и частый ружейный огонь. Снаряды, шипя и свистя, летали надъ окопомъ, рвались по бокамъ, въ облакъ огня и дыма, но на это никто не обращалъ вниманія. Половина солдатъ отошли отъ насыпи и кипятили воду въ черныхъ отъ копоти котелкахъ, а другіе неподвижно, какъ статуи, стояли, прижавшись грудью къ стѣнѣ окопа, и зорко наблюдали за непріателемъ. Одинокіе, сухіе выстрѣлы то съ нашей, то съ ихъ стороны по высунувшимся изъ окоповъ солдатамъ, какъ рѣзкіе удары хлыста, прорѣзали воздухъ и пропадали въ шумъ недалекаго лѣсного боя.

Прапорщикъ Козловъ, оставшійся за ротнаго командира послѣ тяжело раненнаго вчера капитана Громова, сидѣлъ у пулемета и устало смотрѣлъ на солдатъ. Опъ морщился точно отъ боли, когда тихій, подавленный стонъ нашихъ раненыхъ, изъ блиндажа долеталъ до его слуха. И, какъ все солдаты, весь былъ подъ впечатлѣніемъ предстоящей атаки.

Атаки никто не боялся. Смущалъ солдатъ приказъ не отвѣчать на атаку штыковымъ ударомъ и не занимать непріятельскихъ окоповъ, а только отражать ее. И это мучило всѣхъ.

— Ваше благородіе, чайку пейте!

Прапорщикъ вздрогнулъ. Передъ нимъ стоялъ фельдфебель Барановъ и ставилъ на столъ чайникъ и стаканъ.

— Развѣдчиковъ выслалъ?—спросилъ Козловъ, наливая чай.

— Такъ точно, къ ночи опять, поди, пѣмецъ на насъ обрушится... и помолчавъ, продолжалъ:—И чего только преть, прости Господи, на рожонъ. Эхъ, кабы его, какъ слѣдуетъ, принять,—шумно вздохнулъ онъ.—Небось пересталъ бы тревожить.

— Нельзя,—нахмурился Козловъ,—утромъ еще приказъ изъ штаба былъ.

Солдаты пили чай съ размоченными сухарями, тихо разговаривали между собою, а изъ блиндажа попрежнему протяжно и больно доносился стонъ тяжело раненаго ефрейтора, Зубова.

— И какъ это, братцы, меня угораздило,—говорилъ пожилой запасной Дубининъ, раненый въ руку и ногу.—Только

къ утру мы снялись изъ секрета, полземъ къ себѣ, вдругъ, точно палкой, мнѣ кто то по ногѣ хватъ. Свалился. Началь снимать сапогъ, а онъ окаянный въ руку. Насилу доползъ.

— Не повезеть, такъ не повезеть, — равнодушно отозвался унтеръ Тимофѣевъ.

Дальній бой въ лѣсу затихалъ. Почти прекратилась и артиллерійская канонада. Стало тихо и безпокойно. Темнѣло. Маленькіе костры на днѣ окопа освѣщали фигуры солдатъ слабымъ трепетнымъ свѣтомъ.

Смѣнилась другая группа солдатъ и тоже пила чай. Рядовой Ивашенцовъ, разбитой, красивый парень изъ мастеровыхъ, досталъ изъ блиндажа разбитую гармонію и сталъ наигрывать, поддѣвая:

„Ахъ ты, нѣмецъ-остроусъ,

Я усомъ-то не боюсь,

Меня усомъ не спугаешь:

Я російскій, а не трусь...“

Пѣсня какъ-то не клеилась, никто не поддѣвалъ и Ивашенцовъ, покачавъ головой, бережно завернулъ гармонію и спряталъ ее обратно въ блиндажъ. Козловъ медленно ходилъ по окопу, изрѣдка разговаривая съ солдатами, и вдругъ неожиданно для всѣхъ высунулся изъ него на половину и сейчасъ же затрещали сухіе выстрѣлы непріятеля.

— Ваше благородіе! — испуганно закричалъ Барановъ, и схвативъ его хрупкую фигуру, сильными руками насильно стянулъ внизъ.

Козловъ смѣялся молодымъ, веселымъ смѣхомъ и смотрѣлъ на всѣхъ искрящимися глазами, точно минутная опасность оторвала его отъ гнетущихъ думъ и вернула беззаботную радость.

— Испугался? — спросилъ онъ фельдфебеля.

— Не полагается, потому начальство, — нахмурился Барановъ.

— Ну, не буду, не буду, не ворчи! — улыбнулся Козловъ и вновь сталъ ходить по окопу.

Фельдфебель Барановъ старый, сверхсрочный солдатъ, съ самаго начала войны взялъ подъ свое покровительство юнаго, мало знающаго прапорщика. Ходилъ за нимъ, какъ нянька, оберегая его отъ опасности, и часто ворчалъ.

— Что, братцы, опять атаки придется ждать? — почти весело проговорилъ Козловъ, останавливаясь у группы пьющихъ чай солдатъ.

— А то какъ же! — улыбались солдаты, глядя на его красивое лицо съ веселыми карими глазами.

— Пынь, луна будеть, ваше благородіе,—проговорилъ унтеръ Калининъ. Все невольно посмотрѣли на небо; по нему быстро бѣжали сѣро-темныя облака, точно перегоняя другъ друга, то сталкивались, то разбѣгались врозь и среди нихъ нырялъ блѣдный серпъ луны.

— Може не пойдетъ, побойтся?!

— Жди!..—угрюмо отозвались другіе.

— Не пойдетъ, такъ спать будемъ,—задумчиво проговорилъ Козловъ, и сѣлъ къ костру среди солдатъ.

— Кузьминъ, налилъ бы мнѣ чаю?

— Сейчасъ, ваше благородіе!—стаканъ вапъ достану.

— Да брось, наливай въ свой, не все ли равно.

— Никакъ нельзя, ваше благородіе,—покачалъ головой Барановъ и укоризненно посмотрѣлъ на прапорщика.

— А ихъ благородію такъ вкусное,—отозвался раненый запасной.

— Не полагается!—И Барановъ принесъ стаканъ офицера.

Козловъ весело смѣялся, смѣялись и солдаты, а Барановъ, что-то ворча, ушелъ въ сторону.

Вдругъ какъ-то неожиданно-ярко вспыхнулъ лунный свѣтъ, погасъ и опять вспыхнулъ.

— Не пойдетъ нѣмецъ,—увѣренно проговорилъ унтеръ Тимофѣевъ.

У костра собрались почти все свободные солдаты. Козловъ, засунувъ отъ холода руки въ рукава шинели, слушалъ ихъ незатѣйливые разговоры о домѣ, и чувствовалъ, что они ему советъ родные, близкіе, понятные. Что-то свѣтлое, тихое и неразрывное-крѣпкое связывало его съ ротой. Война точно обнажила ихъ души, сдѣлала ихъ чище, благороднѣй; проснулась истинная любовь, свободная отъ грязи повседневной жизни.

Изъ-за лѣса послышался стукъ колесъ и вновь затрещали непріятельскіе выстрѣлы. Среди мелкаго кустарника быстро бѣжала одиночка, черезъ минуту санитары умѣло, не торопясь, вынесли раненыхъ изъ окна и увезли подъ выстрѣлами непріятели.

— Ну, а теперь, братцы, ложитесь спать!—потягиваясь, проговорилъ Козловъ.—Барановъ,—обратился онъ къ фельдфебелю:—ступай и ты спать, я останусь.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, извольте поживать,—улыбнулся тотъ.—Я вамъ лишнихъ шинелей положилъ...—И, вдругъ нахмурившись и не дождавшись отвѣта, быстро ушелъ на другой конецъ окна.

Козловъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, улыбнулся, кивнулъ головой солдатамъ, зашелъ въ свой блиндажъ и зарылся въ солдатскія шинели.

Мутно-сѣрые облака попрежнему бѣжали по тусклому небу. Серпъ луны, пыряя среди нихъ, заливалъ все блѣдножелтымъ свѣтомъ. Шумѣла рѣка и что-то печальное, скорбное пѣло въ лѣсу...

Тихо; ни выстрѣла, ни звука.

Солдаты спятъ и въ то же время не спятъ, предыдущія ночныя атаки натянули нервы и они живутъ, побуждая сонъ, заставляютъ прислушиваться къ малѣйшему шуму. Спятъ и готовы при первой командѣ вскочить, схватить ружья и занять свои мѣста.

Зорко, тревожно всматриваются часовые въ непріятельскіе окопы. Поднявши воротникъ шинели, ровнымъ, тихимъ шагомъ ходитъ федосеель Барановъ. Пришла смѣна дозорныхъ. Смѣнились часовые. Опять тихо. Только рѣдко, рѣдко громкій крикъ-бредъ прорѣжетъ ночную тишину, заставитъ вздрогнуть неспящихъ и опять тихо...

Барановъ дошелъ до конца окопа, хотѣлъ повернуть обратно и остановился: какой-то едва уловимый шумъ долетѣлъ до его слуха; весь насторожился и сталъ чутко прислушиваться. Попрежнему тихо, и опять шумъ.

— Слышишь? шопотомъ спросилъ онъ часового.

— Такъ точно...

Луна почти скрылась. Съ темнаго неба упали первыя капли крупнаго, холоднаго дождя.

Неясный шумъ, точно далекій морской прибой, опять докатился до окопа.

— Нѣмцы! шепчетъ Барановъ.

— Должно быть, — отвѣтилъ часовой.

— Чего дозорные спятъ, не идутъ?

— Никакъ ползуть, — показалъ рукой часовой.

По берегу рѣчки кто-то ползъ, потомъ приподнялся и, сильно согнувшись, побѣжалъ къ окопу.

— Нѣмецъ атаку готовить! — захавшись доложилъ дозорный и этимъ добавилъ. — Много ихъ подошло..

Барановъ тихо, протяжно свистнулъ, и этотъ тихій свистъ моментально разбудилъ спящихъ. Тихо, безъ шума вставали солдаты, оправляя амуницію.

Пришелъ другой дозорный изъ-за лѣса.

Козловъ, кутаясь въ шинель, молча обходилъ ряды, а шумъ прибоя росъ. Луна почти совсѣмъ спряталась за тучи и только изрѣдка на минуту освѣщала пустое поле.

— Подпустить нѣмцевъ шаговъ на двѣсти,—спокойно говорилъ Козловъ стоящимъ на мѣстахъ солдатамъ и пошелъ къ пулеметамъ. Пулеметчики стояли на своихъ нумерахъ, готовые каждую минуту пустить въ ходъ свою машину смерти.

Шумъ со стороны непріятеля росъ, но окопъ его попрежнему оставался пустымъ и мертвымъ.

Солдаты стояли у насыпи неподвижными, точно каменными изваяніями, и все обратился въ слухъ и зрѣніе. Козловъ стоялъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ окопа, тоже какой-то каменный, неподвижный. Страшное, непонятное хладнокровіе сковало всѣхъ, только сердце въ груди тяжело бьется и въ тѣлѣ чувствуется непобѣдимый порывъ впередъ.

Пришелъ солдатъ изъ секрета. Приложивъ руку къ козырьку, онъ докладывалъ Козлову тихимъ шопотомъ, но этотъ шопотъ, какъ громовой ударъ, прокатился по насторожившемуся окопу и все слышали его спокойный докладъ.

— Большой резервъ подошелъ, почитай съ баталіонъ.

Руки невольно сжимали винтовки.

Неожиданный рѣзкій звукъ быть можетъ несчастнаго непріятельскаго выстрѣла разорвалъ напряженную тишину и точно разбилъ цѣпи жгучаго ожиданія.

Сѣрыя шинели зашевелились. Козловъ снялъ фуражку и вытеръ платкомъ, несмотря на холодъ, вспотѣвшій лобъ.

И вдругъ въ мимолетномъ свѣтѣ луны пустое до того поле зашевелилось какой-то сплошной стѣной. Тяжелый звукъ шаговъ какъ-то сразу наполнилъ собою все. Нервная дрожь охватила ряды солдатъ, ухо жадно ловило команду. Козловъ стоялъ, наполовину высунувшись изъ окопа, держа въ рукѣ наотмашь обнаженную пашку.

Шумъ шаговъ росъ глухой, грозный, тяжелый...

Опять выглянула луна и освѣтила тихо движущуюся стѣну людей.

Нѣмцы шли молча, безъ выстрѣла.

— Пальба пачками!! — раздался рѣзкій, громкій голосъ Козлова.

Мертвая тишина окопа дрогнула, затрещали пулеметы и слились въ одно цѣлое съ ружейными выстрѣлами, и въ сѣрой тьмѣ ночи видно было, какъ дрогнула непріятельская стѣна, на минуту остановилась и опять двинулась впередъ.

Стѣна, надвигаясь на окопъ, въ ночной тьмѣ точно росла, ширилась, и казалось, вотъ-вотъ она обрушится и задавитъ всѣхъ...

Солдаты едва успѣвали заряжать ружья. Огонь пулеметовъ косилъ первые ряды враговъ и ни одна пудя изъ нака-

лившихся винтовокъ не пролетала даромъ. А стѣна надвигалась. Время точно остановилось для защитниковъ окопа, они смотрѣли на сѣрую массу, волнующуюся и падающую, и стрѣляли, непрерывно стрѣляли.

Не доходя шаговъ пятидесяти до окопа, нѣмцы остановились и вдругъ бросились обратно. Глубокій вздохъ облегченія пронесся по окопу. Точно какая-то страшная тяжесть упала съ плечъ. Ружейный и пулеметный огонь, не ослабѣвая, гналъ бѣгущаго врага, и что-то радостное, живое, жгучее охватывало солдатъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, получивъ, должно быть, подкрѣпленіе, нѣмцы опять стали надвигаться все той же тяжелой, сплошной стѣной. Они шли по трунамъ своихъ, мѣстами взбирались на нихъ, какъ на пригорки, и шли...

Суровое озлобленіе охватило защитниковъ. — Ура! — высокимъ, звенищимъ голосомъ крикнулъ, не выдержавъ поваго наступленія, Козловъ, и однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ окопа.

Ура! — стихійно громко закричали солдаты и съ ружьями наперевѣсь бросились на врага.

Замолчали пулеметы. Въ наступившей тишинѣ страшно и грозно зазвучала сталь штыковъ. Хриплое, срывающееся «ура» все рѣже и рѣже вырывается изъ груди сражающихся. Стоны, крикъ, хрипы умирающихъ точно повисъ надъ полемъ... Пять минутъ кипѣлъ страшный штыковой ударъ. Врагъ дрогнулъ и побѣжалъ. Радостное, торжествующее «ура» широкой волной прокатилось по полю и ему громкимъ эхомъ ошвѣтилъ лѣсъ.

Врагъ въ паническомъ страхѣ бѣжалъ... Блѣдные, задыхающіеся солдаты бросились за нимъ и остановились. Желѣзная дисциплина сковала ихъ бурный порывъ. Они стояли, съ удивленіемъ оглядываясь кругомъ, разсѣянно смотрѣли на горы тѣлъ и, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, неохотно уходили въ окопъ, а по нимъ уже гремѣли частые непріятельскіе выстрѣлы.

Прорѣзая тьму ночи, понеслись непріятельскіе снаряды, имъ стала отвѣчать русская артиллерія. Орудійный бой разгорался и какъ-то странно, черезъ какихъ-нибудь полчаса погасъ.

Настала мучительная тишина, жгучая, полная стона и ужаса. Луна ныряла въ облакахъ, освѣщала временами страшное поле, усыпанное лежащими тѣлами.

Угрюмо, тяжело дыша, стояли у насыпи солдаты. Козловъ и ротный фельдшеръ наскоро перевязывали раненыхъ. Умолкала и ружейная дробь. И точно по взаимному согласію, какъ и прошлыя ночи, тихо, какъ тѣни, изъ окоповъ вышли сол-

даты подобрать оставшихся живыхъ и убитыхъ. Сильное возбужденіе отъ короткаго напряженнаго боя и штыкового удара упало. Было до боли обидно и досадно, что они на плечахъ отступающаго непріятеля не ворвались съ ликующимъ побѣднымъ «ура» въ непріятельскій окопъ. Но никто не высказывалъ эту досаду вслухъ, каждый зналъ, что «такъ надо».

Справа, изъ-за лѣса опять затрещали пулеметы и частый ружейный огонь, то затихая, то вновь разгораясь. И солдаты, прислушиваясь къ выстрѣламъ, улыбались; близость недалекаго боя ихъ радовала и заглушала досаду.

Луна совсѣмъ спряталась за тучи. Тьма ночи спустилась еще больше. Холодный дождь пересталъ и только теперь какъ-то сразу почувствовали всѣ страшную усталость. Время тянулось медленно. Солдаты дромали, прислопившись спиной къ окопу.

Козловъ вышелъ изъ блиндажа, глубоко вздохнулъ и оглянулся.

— Ты здѣсь?

— Такъ точно, ваше благородіе—отвѣтилъ Барановъ: Я у васъ чай согрѣлъ.—Козловъ кивнулъ головой и вошелъ въ блиндажъ. На неумѣло сложенномъ очагѣ въ углу шипѣлъ чайникъ. Козловъ хотѣлъ налить стаканъ чаю, но махнулъ рукой и почти упалъ на сложенные шинели.

Чутко тревожнымъ сномъ снова спятъ солдаты. Зорко слѣдятъ за непріятелемъ часовые и тихо, едва дыша, крадутся въ темнотѣ къ нѣмецкимъ окопамъ дозорные.

Когда проснулся Козловъ было свѣтло. Рѣдко и какъ-то лѣниво звучали выстрѣлы. Онъ вышелъ изъ окопа. Солдаты пили чай, мирно разговаривали и по временамъ смѣялись, а Ивашенцовъ со своей гармоніей, сидя у пулемета, наигрывалъ «барыню» и тихо подпѣвалъ. Доброе, радостное настроеніе охватило прапорщика. Онъ улыбаясь смотрѣлъ на солдатъ, пилъ чай у блиндажа и тоже подпѣвалъ «Барыня... Сударыня» Барановъ съ заботой любящей няньки отрѣзалъ ему хлѣба и что-то говорилъ, но Козловъ плохо его слушалъ, надоѣдливый мотивъ «барыни» притуплялъ его вниманіе. Онъ всталъ, съ досадой тряхнулъ головой и медленно пошелъ по окопу. Ивашенцовъ уже давно не игралъ, а «барыня» все еще звучала въ ушахъ Козлова и онъ невольно повторялъ ненужныя, глупыя слова пѣсни.

— И какъ это его забыли сердечнаго?—проговорилъ унтеръ Трифоновъ въ кругу солдатъ.

— Кого забыли?—спросилъ, останавливаясь, Козловъ.

— Раненаго нѣмца, ваше благородіе!—вставая и прикладывая руку къ козырьку, отвѣтилъ Трифоновъ.

Козловъ подошелъ къ насыпи и изъ окопечка посмотрѣлъ на поле. Поле опять было пусто и только по срединѣ его лежалъ одинокій раненый, въ шинели, а рядомъ съ нимъ валялась остроконечная нѣмецкая каска.

Что то острое, обожгло Козлова. Онъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Отчего они его не подберутъ?—Спросилъ онъ, растерянно смотря на всѣхъ.

— Потому, ваше благородіе,—улыбнулся въ усы Барановъ—опасно.

Козловъ всныхнулъ.

— Кричали имъ, что стрѣлять не будемъ,—продолжалъ Барановъ. Не вѣрять, должно быть.

Козловъ опять взглянулъ на поле. Раненый безпомощно поднялъ руку, казалось, силился ползти и опять замеръ на мѣстѣ.

— Змѣйкину руку пробилъ—проговорилъ унтеръ.—Высунулся это онъ изъ окна, показываетъ на раненаго, а они ему пулю.

Козловъ ходилъ по окопу, прислушивался къ разговору солдатъ, и чувствовалъ, какъ что то ноетъ и плачетъ въ его груди, и онъ, какъ и солдаты, старался не смотрѣть на поле и въ то же время не могъ забыть брошеннаго раненаго.

— Я, ваше благородіе,—попытаю, съ суровой складкой между бровями проговорилъ унтеръ Трифоновъ и, неожиданно для всѣхъ, выскочилъ, махая платкомъ, изъ окопа.

Частая дробь ружейныхъ выстрѣловъ встрѣтила унтера и онъ раненый въ ногу упалъ на руки солдатъ.

Нѣмцы не прекращали огня, стрѣляли долго, упорно...

Солдаты нехотя отвѣчали на выстрѣлы, но мѣсто, гдѣ лежалъ раненый, оставалось внѣ обстрѣла.

— Черти!—ворчалъ Трифоновъ, перевязывая ногу.

— А ты не суйся!—укоризненно говорилъ Барановъ.— Пусть сами подберутъ.

— Да, вишь ты, душа мучается, чай тоже христіанская.

Перестрѣлка замолкла. Изъ за лѣса, въ облакъ тумана и мелкаго холоднаго дождя показался красный дискъ солнца.

— «Душа мучается!» шепталъ Козловъ и не находилъ нигдѣ себѣ мѣста; замѣтно нервничали и солдаты. Еще одинъ изъ нихъ попытался высунуться изъ окопа, дабы передать нѣмцамъ, что они не будутъ стрѣлять. Градъ пуль былъ ему отвѣтомъ.

Злое, щемящее чувство захватывало всѣхъ.

А раненый попрежнему безпомощно лежалъ посреди поля, изрѣдка подымалъ руки, шевелился и опять замиралъ. И каж-

дый разъ, при видѣ его, нервная дрожь охватывала Козлова и что то плакало, болѣло въ груди.. Онъ зналъ, что помочь раненому онъ не можетъ и въ то же время чувствовалъ, что не въ силахъ справиться съ собою: что то властное толкало идти на помощь.

«Чаѣ, христіанская», — опять вспомнились ему слова Трифонова; онъ улыбнулся и точно обрадовался этимъ простымъ словомъ.

Барановъ, какъ-бы угадывая мысли прапорщика, неотступно ходилъ за нимъ — хмурый, серьезный.

— Чего ты хмуришься? спросилъ его Козловъ.

— Ничего, ваше благородіе, такъ, — смутился Барановъ, и вдругъ на минуту глаза ихъ встрѣтились: Барановъ поблѣднѣлъ и замѣтно вздрогнулъ, Козловъ отвернулся, пошелъ по окопу и, круто обернувшись, проговорилъ:

— Не могу, Барановъ!..

— Ваше благородіе!..

— Не могу... — Его голосъ звучалъ совсѣмъ по дѣтски, въ немъ слышались слезы.

— Можетъ быть, кого послать? Коли позволите, я самъ..

— Не смѣй! — рѣзко крикнулъ Козловъ и быстро ушелъ въ блиндажъ. Но одному было еще мучительно. Стыснувъ руками голову, Козловъ неподвижно сидѣлъ, облокотившись локтями на столъ. Онъ ни о чемъ не думалъ и не могъ думать. Онъ плакалъ и самъ не замѣчалъ своихъ слезъ. Потомъ всталъ, простоялъ нѣсколько минутъ посрединѣ блиндажа и медленно вышелъ въ окопъ. Холодные лучи солнца пробороли туманъ, болотистую сырость, и заливали все, а на полѣ, подъ его лучами также безпомощно лежалъ раненый. Козловъ противъ воли смотрѣлъ на него и точно начиналъ чувствовать боль чужой раны и чужого несчастія; какая-то тихая, свѣтлая любовь проснулась въ его душѣ къ неизвѣстному солдату-врагу. Онъ оглянулся; въ окопѣ по прежнему тянулась тихая, скучная жизнь, онъ пристально всматривался въ лица солдатъ, точно старался въ ихъ лицахъ найти проблескъ этой непонятной святой любви къ раненому врагу и видѣлъ ее въ ихъ сумрачныхъ лицахъ, въ ихъ робко-пзбѣгающихъ взглядахъ, въ той неловкости и застычивости, которая связывала ихъ всегда свободное движеніе. И онъ какъ-то сразу понялъ, что и тѣ трое солдатъ, что съ рискомъ своей жизни выкакивали изъ окопа, чувствовали ту же любовь. За эту любовь къ врагу они получили раны. Онъ видѣлъ, что и остальные готовы броситься къ раненому, но ихъ сдерживала желѣзная дисциплина, которая не позволяла имъ въ разгарѣ страшнаго боя броситься за рт-

ступающимъ непріятелемъ въ его окопы... Что-то радостное, ликующее охватило его. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ съ ясной улыбкой и вдругъ сталъ серьезнымъ, какая то тѣнь легла на его лицо и сейчасъ же пропала. Онъ еще разъ прошелся по окопу, дотронулся до холодной стали пулемета и неожиданно для всѣхъ, широко перекрестившись, выскочилъ изъ окопа и побѣжалъ по полю. Навстрѣчу ему сейчасъ же затрещали непріятельскіе пулеметы и частый ружейный огонь...

Замерли въ окопахъ соскочившіе съ мѣсть растерявшіеся солдаты. Барановъ застылъ и не дыша смотрѣлъ на прапорщика; въ первую минуту онъ хотѣлъ броситься за нимъ, но что-то связывало его волю.

Козловъ пробѣжалъ подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ шаговъ пятьдесятъ и остановился, широко взмахнувъ руками, схватился за грудь, зашатался и опять побѣжалъ.

Тяжелый, мучительный стонъ вырвался изъ груди солдатъ. Всѣ, не отрываясь, въ какомъ-то странномъ ступорѣ смотрѣли на прапорщика. Козловъ споткнулся и упалъ, но сейчасъ же всталъ и вновь побѣжалъ неровнымъ, шатающимся бѣгомъ.

Наступила съ обѣихъ сторонъ чуткая, страшная тишина. Враги оставивъ ружья, высунулись изъ окоповъ. Козловъ добѣжалъ до раненаго, немовѣрнымъ усиленіемъ воли собравъ падающія силы, поднялъ его и понесъ къ непріятелю.

Изъ непріятельскаго окопа выскочилъ офицеръ. Козловъ положилъ къ его ногамъ раненаго, отдалъ честь и повернулся.

Громкое, потрясающее „hoch“ вырвалось изъ груди нѣмцевъ и широкой ликующей волной докатилось до нашихъ окоповъ.

Русскій окопъ молчалъ точно мертвый.

Нѣмецкій офицеръ нервно сорвалъ съ своей груди желѣзный крестъ и прицѣпилъ его къ мундиру прапорщика.

Козловъ улыбнулся и, прижимая руки къ груди, тихо пошелъ обратно. На полъ-пути его подхватилъ на руки выскочившій изъ окопа Барановъ.

Громкое, ликующее „hoch“ по прежнему потрясало тишину утра.

Барановъ, блѣдный, растерянный, — положилъ Козлова въ окопъ на шинель. Тѣсно обступили раненаго солдаты — тоже блѣдные и взволнованные...

Козловъ открылъ глаза, провелъ рукой по лицу и, смотря на всѣхъ затуманеннымъ взглядомъ, тихо, виновато проговорилъ:

— Простите, братцы!

Глухой, тяжелый стонъ вырвался изъ груди солдатъ...

— Мальчикъ мой, милый!..—срывыющимся голосомъ закричалъ Барановъ и, рыдая, обхватилъ его ноги.

— Полно, Барановъ!—слабо улыбнулся Козловъ.

Фельдшеръ Кирилловъ, смахивая слезы, дрожащими руками разрѣзалъ мундиръ, а Козловъ продолжалъ смотрѣть на всѣхъ гаснущимъ взглядомъ и улыбался безпомощной дѣтской улыбкой.

— Я не могъ поступить иначе... тихо шепталъ онъ, до-трагиваясь до головы Баранова и, замѣтивъ его слезы, проговорилъ:

— Что ты плачешь? а еще солдатъ...—и умолкъ.

Тонкими струйками бѣжала кровь изъ ранъ на груди.

Барановъ порывисто всталъ, тряхнулъ головой и спокойнымъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Ивановъ, посылки и въ лазаретъ.

Солдаты бережно положили раненаго на окровавленные носилки и вышли изъ окна.

Опять могучее „hoch“ вырвалось изъ непріятельскихъ окоповъ вмѣсто выстрѣловъ и видно было, какъ нѣмцы сняли каски при видѣ носилокъ. Тихо несли солдаты прапорщика, молчали нѣмцы, и только когда носилки скрылись въ лѣсу и Барановъ соскочилъ въ окопъ, вновь затрещали частые выстрѣлы.

Въ полуразрушенномъ помѣщицьемъ домѣ, гдѣ расположилась передовой летучій госпиталь, тихо; маленькая керосиновая лампочка тускло освѣщаетъ ряды кроватей. Темная звѣздная ночь смотритъ въ окна и канонада недалекаго боя вмѣстѣ съ глухимъ звукомъ ружейнаго огня точно поетъ тихую пѣсню, убаюкивая раненыхъ. Въ углу у стола, подперши голову руками, сидитъ сестра милосердія и смотритъ немигающими глазами въ темноту ночи. Большіе столовые часы съ «кукушкой» сухо и безстрастно отсчитываютъ секунды и часы. Ихъ ровный, монотонный стукъ безконечной вѣчности точно связываетъ мысли сестры, заставляетъ ее еще пристальнѣе всматриваться въ лицо ночи и вливаетъ въ душу жуткое, больное чувство одиночества и тоски.

Слабый, подавленный стонъ, какъ всегда почему-то неожиданный для сестры, тихо раздался въ большой комнатѣ, она нервно вздрогнула и тихой походкой подошла къ кровати, долго стояла, наклонившись надъ раненымъ, прислушиваясь къ его порывистому дыханію и, также тихо, отошла, сѣла къ столу, и вновь задумалась. Опять стонъ, и опять сестра тихимъ призракомъ подходитъ къ больному, даетъ лекарство,

успокаиваетъ, а часы попрежнему отбиваютъ секунды и въ окна чуть замѣтнымъ разсвѣтомъ вливается просынающее утро.

Когда прапорщикъ Козловъ очнулся, онъ не понялъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Но усталое, больное тѣло какъ-то сразу почувствовало пріятную истому. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, отдаваясь нѣгѣ, а тишина комнаты навѣвала какое-то сказачное спокойствіе, точно все, что было раньше, ушло куда-то далеко, забылось, какъ нехорошій, страшный сонъ. Онъ открылъ глаза и съ удивленіемъ оглянулся и вдругъ мысль, точно проснувшись, слабо заработала въ его головѣ. Онъ приподнялся; острая боль въ груди заставила его слабо застонать и упасть на подушку. Онъ почти лишился сознанія и въ то же время чувствовалъ, какъ чья-то теплая рука легла на его лобъ и что-то радостное, свѣтлое захватило его, захотѣлось плакать, захотѣлось жаловаться на что-то обидное, больное. Онъ опять открылъ глаза и встрѣтился съ темнокарими, грустными глазами сестры.

Козловъ шевельнулся, опять хотѣлъ приподняться, но мягкая женская рука не позволила сдѣлать этого.

— Лежите смирно,—тихо проговорила сестра низкимъ груднымъ голосомъ.—Вамъ нельзя шевелиться.

— Я опасно раненъ?—тихо спросилъ онъ и вдругъ вспомнилъ все до мельчайшихъ подробностей, и то же радостно-свѣтлое чувство, которое онъ испытывалъ, выскакивая изъ окопа за раненымъ непріателемъ, захватило его и теперь.

— Сестрица, я давно здѣсь?—Вторые сутки.—И, нагнувшись она отцѣпила отъ его груди георгиевскій крестъ.

— Вчера оставилъ его генераль, сказала она, подавая ему крестикъ,—за вашу подвижъ.

Козловъ вспыхнулъ, въ глазахъ его блеснула радость, онъ взялъ крестъ, поцѣловалъ его и, слабо улыбаясь, проговорилъ:

— Два креста...

— Два креста,—повторила сестра,—и ея милое, молодое лицо, измученное безсонницей и страданіями, затуманилось, а въ карихъ глазахъ блеснули слезы.

— Сестрица, вы плачете?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ прапорщикъ, пристально смотря на нее.

Она вздрогнула, поблѣднѣла и, пересиливая себя, быстро заговорила:

— Нѣтъ, это вамъ показалось. Я просто устала и притомъ такъ много раненыхъ, такъ много...

Онъ взялъ ея маленькую, теплую руку и тихо пожалъ.

— Сестрица, я знаю, что скоро умру; такъ надо...—проговорилъ онъ спокойно и черезъ минуту, сжимая ея руки, до-

бавлять:—Не надо плакать, сестрица, не надо!.. Я не могу по-
ступить иначе... Онъ такъ мучился...

— Не волнуйтесь, — срывающимся голосомъ проговорила она.

— Я не волнуюсь, — улыбнулся онъ. Я совсемъ спокоенъ,
какъ никогда. И мнѣ такъ хорошо. Отчего это, сестрица, мнѣ
такъ хорошо?—и, помолчавъ, серьезно добавилъ:—Я умру, се-
стрица, это я чувствую и знаю. Не говорите!.. зачѣмъ обма-
нывать себя. Но я васъ хочу просить. Сестрица, когда я умру,
напишите письмо домой къ матери. Скажите ей, что я умеръ
счастливымъ, что я ее люблю и что у меня два креста... Два
креста. А главное—скажите, чтобъ она не плакала, я не хочу
слезъ. не надо траура. И еще напишите:

— Напишите, чтобы мама передала Танѣ, что она сво-
бодна, что я ее люблю...—Онъ замолчалъ, тяжело дыша. Се-
стра съ застывшимъ лицомъ смотрѣла на него и тяжелыя капли
слезъ незамѣтно падали изъ ея глазъ на сврое платье.

— Сестрица!—опять тихо заговорилъ онъ, открывая гла-
за.—Передайте солдатамъ мои деньги, а Баранову скажите,
чтобы не горевалъ, на то мы и солдаты. А теперь, сестрица,
поцѣлуйте меня, какъ мама... какъ Таня...

Черезъ силу сдерживая рыданія, поцѣловала сестра его
въ холодный лобъ.

— Вотъ такъ, вотъ такъ... Какъ хорошо... Хорошо! а те-
перь бы батюшку!.. И онъ забылся.

.....
Когда утромъ пришелъ Барановъ, фельдшеръ сказалъ ему,
что прапорщикъ померъ... Лицо Баранова какъ-то странно
передернулось и, не заходя въ лазаретъ, ушелъ.

Рота знала, что Козловъ умеръ, и все-таки вѣсть о его
смерти потрясла всѣхъ. Тихо, серьезно расходились боевые
товарищи, а Барановъ и унтеръ пошли въ лѣсъ.

— Третій крестъ, Божій, я мальчику самъ поставлю,—
шепталъ Барановъ, съ невѣроятной силой подрубая сосну, и
вдругъ, далеко отбросивъ топоръ, зарыдалъ громко, дико, какъ
смертельно раненый звѣрь.

— Полно, братъ—шепталъ унтеръ и, отвернувшись, тоже
заплакалъ.

Утромъ на другой день маленькій холмикъ и чисто вы-
строганный крестикъ прибавился на окраинѣ города къ мо-
гиламъ ранѣ павшихъ героевъ.

Н. Р. Политуръ.

«Отд. Хр.»

Извѣстія и замѣтки.

Равнымъ оружіемъ.

Съ присоединеніемъ къ православію баптистскихъ наставниковъ, особенно **Θ. А. Буцена**, состоящаго теперь вторымъ епархіальнымъ миссіонеромъ, православная Церковь въ Прибалтійскомъ краѣ получила возможность бороться и сражаться въ самомъ навязчивымъ врагомъ—баптизмомъ—совершенно равнымъ оружіемъ. **Г. Буцену** хорошо извѣстны всѣ методы и приемы баптистской полемики, вся фальшь сектантаческаго пользованія священнымъ писаніемъ. Онъ отлично знаетъ, на какія слабыя съ точки зрѣнія баптистовъ мѣста православія должны направляться ихъ стрѣлы. У него богатый запасъ свѣдѣній о собственныхъ дѣйствительныхъ слабостяхъ баптистскаго закуліся.

По этому-то, баптисты рѣдко отваживались выступать оппонентами на его миссіонерскихъ бесѣдахъ. Если же кто и отваживался возражать ему, то немедленно получалъ должный отпоръ и вынуждался замолчать.

Для характеристики подобныхъ побѣдоносныхъ отраженій приведемъ слѣдующее. После бесѣды миссіонера Буцена о благодати, обрѣтенной имъ въ православной церкви, одинъ баптистъ не безъ схищства замѣтилъ: «не понимаю, какъ это могло быть, что вы, находясь между нами, тоже говорили о благодати Божіей, получаемой будто бы вами и у насъ!»

На это **г. Буценъ** въ духѣ и стилѣ баптистскихъ рѣчей отвѣтилъ слѣдующее:

«Я поясню вамъ примѣрами разницу между той благодатью, которую я чувствовалъ, находясь у васъ, и тою, которую получилъ въ православной церкви. Когда человекъ имѣетъ въ карманѣ мѣдную монету, онъ чувствуетъ себя лучше, нежели когда оказывается съ пустымъ карманомъ; еще лучше, когда у него въ карманѣ серебро. Но онъ будетъ несравненно больше счастливъ, если его кошелекъ будетъ наполненъ золотыми монетами. Такъ и съ благодатью Божіей. Баптизмъ всетаки лучше язычества, потому что признаетъ Отца, и Сына и Святаго Духа. Въ баптизмѣ своего рода мѣдная монета. Но благодать св. прав. церкви является золотою монетою, которую я получилъ, перейдя въ ея лоно. Или вотъ другой примѣръ. Нашъ кругозоръ гораздо уже, если мы стоимъ на землѣ; онъ становится шире, если мы поднимаемся на второй или третій этажъ дома. Съ горной же вершины мы видимъ несравненно дальше.

Рабъ Божій Моисей, поднимаясь на гору, хотя издали видѣлъ землю обѣтованную, между тѣмъ какъ его собратья не видѣли ничего. Очень трудно, навѣрное, было Моисею увѣрить прочихъ израильтянъ о той благодати, которая низшла на него на горѣ. Св. прав. церковь—та

духовная вершина, съ которой видно то, что вамъ, баптистамъ, къ сожалѣнію, даже въ умъ не приходитъ». Такъ отвѣтилъ баптисту бывший баптистъ, и первый не нашелся ничего возразить на такой наглядный и убѣдительный отвѣтъ. Рижск. Еп. В.

Что дала старообрядчеству десятилѣтняя свобода.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ о. І. Восторговъ въ „Моск. Вѣд.“

«Старообрядческіе газеты и журналы умирали и умираютъ отъ полнаго равнодушія къ нимъ самихъ старообрядцевъ. Относительно школъ и учебныхъ заведеній—почитайте въ «Старообр. мысли» за февраль текущаго года горькія жалобы на полное равнодушіе старообрядцевъ къ дѣлу просвѣщенія. Храмы явились вовсе не тысячами, а всего десятками, и притомъ бѣдные—пребѣдные; даже Москва не дала ни одного грандіознаго храма; пастырей выдающихся—не явилось ни одного. Все тотъ же Іоаннъ Картушинъ, всего годъ назадъ обрушившійся противъ брадобритія. Дальше брадобритія, буцыхъ пиджаковъ, дѣлающихъ—де неприличною фигуру мужчинъ при поклонахъ, пастырекія посланія и засѣданія „соборовъ“ не пошли. Объединенія старообрядцевъ что то не видно, а разъединеніе усилилось, а пунѣ оно пошло въ глубь, коснувшись отношеній іерархіи и мирянъ...

Въ старообрядчествѣ остались на верхахъ тѣ же „скобленныя рыла“, какъ выражаются старообрядцы о бритыхъ своихъ руководителяхъ, во фракахъ, питающихся французскою кухней, женившихся на англичанкахъ и совершившихъ эти браки за 500 р., давныхъ попу на случай „запрещенія“ отъ Іоанна Картушина, остались самодуры, одной рукой издающіе старообрядческіи журналы съ защитою старинной церковной живописи, а другой—журналъ, пропагандирующий декаденство и футуризмъ въ той же живописи; это все просто политиканы, играющіе съ оппозиціею, жаждущіе „роли“, а вовсе не искренніе послѣдователи старообрядчества: потому что быть образованнымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть искреннимъ, въ смыслѣ религіозномъ, старообрядцемъ,—будемъ говорить откровенно,—совершенно невозможно..... А на низахъ мы видимъ ту же, что и прежде, темную массу, которая, какъ только начнетъ приобщаться къ школьному просвѣщенію, будетъ уклоняться отъ старообрядчества, какъ вѣры, и обращать его въ знамя фронды, увеличивая ряды нигилистической интеллигенціи, а больше полуинтеллигенціи“...

Такова изнанка вѣроисповѣдной свободы послѣдняго десятилѣтія жизни старообрядцевъ. Вѣроисповѣдная свобода, объявленная правительствомъ, не имѣла цѣлью гнать старообрядцевъ въ ряды нигилистовъ, а сектантовъ—въ ряды анархистовъ.

Изъ текущей жизни.

Воспитанники Воронежской семинаріи, ушедшіе на войну, изрѣдка пишутъ своимъ товарищамъ и преподавателямъ Семинаріи. Письма эти въ большинствѣ весьма интересны.

Такъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Семинаріи, уволившейся изъ 5 класса Г. В., пишетъ преподавателю Семинаріи: «... Не успѣли пріѣхать, какъ приняли боевое крещеніе. Пришлось рыть окопы. Рыть было очень трудно — камень. Съ Божіей помощью вырыли маленькія ямки; тамъ можно только сѣсть и скрыть голову отъ непріятеля, а повернуться никакъ нельзя. Ночь прошла въ работѣ, а день сидѣли скорчившись, въ окопахъ. Въ этотъ день австріецъ выпустилъ больше 600 снарядовъ на нашу вершину. Богъ хранилъ... День прошелъ. Австріякъ повелъ наступленіе, посылая одну колону за другой. Нужно замѣтить, что австрійцы были пьяные. Распахнули свои шинели. Идутъ смѣло. Нашъ пулеметъ коситъ. Винтовки работаютъ всюю. Я въ эту ночь выпустилъ больше 1000 патроновъ. Винтовка накалилась до красна.. Мы, 60 человекъ, за ночь набили больше 500 человекъ. Я едва не сошелъ съ ума. Поймите, первый разъ!» Изъ этого отрывка видно, съ какимъ упорствомъ австрійцы, подогрѣтые спиртнымъ напиткомъ, идутъ въ атаку и какой терпятъ уронъ отъ нашихъ доблестныхъ воиновъ.

Тотъ же воспитанникъ пишетъ тому-же преподавателю въ другомъ письмѣ отъ 1 апрѣля слѣдующее: «... Пасхальная недѣля прошла. Встрѣтить Пасху пришлось съ сухарями, но теперь — чего только нѣтъ! Отъ г. Воронежа получили очень много различныхъ подарковъ. Очень много табаку, такъ что солдаты его продаютъ. Общество должно заботиться не о насъ, а о тѣхъ мирныхъ жителяхъ, которые пострадали отъ войны. Мы имѣемъ хлѣбъ, а они нѣтъ. Вы не можете представить, какъ они встрѣчали праздники. Я проѣзжалъ деревни: онѣ буквально сожжены. Никого нѣтъ, кромѣ маленькыхъ дѣтей, которые живутъ вмѣстѣ въ одной, напр., кузницѣ при дорогѣ и просятъ у солдатъ хлѣба, сахару и т. д. *Общество должно позаботиться о такихъ»*.

В. Е. В.

Сожженіе на кострѣ.

Лихая казачья сотня, блестяще выполнивъ необыкновенно трудную развѣдку безъ потерь, возвращалась къ своимъ.

Какъ вдругъ съ трехъ сторонъ, откуда ни возьмись, вынырнули большіе отряды прусскихъ гусаръ и въ нѣсколько минутъ казаки очутились въ сомкнутомъ желѣзномъ кольцѣ.

Когда въ такое положеніе попадали нѣмцы, дѣло ликвидировалось чрезвычайно просто — германскіе солдаты бросали оружіе и отдавались

на милость побѣдителя, но тутъ нѣмцамъ пришлось столкнуться съ казаками, которые, какъ и каждый русскій солдатъ, сдаваться въ плѣнъ не привыкли. Завязался ожесточенный бой.

Нѣмцевъ было гораздо больше и на каждого нашего воина приходилось, по крайней мѣрѣ, по три гусара.

Сраженіе продолжалось недолго.

Казачья сотня, потерявъ десятка полтора человекъ ранеными, прорвала непріятельское кольцо и оказалась внѣ опасности.

Промчавшись какую-нибудь сотню шаговъ, казаки услышали отчаянные крики о помощи.

Кричали наши раненые, которыхъ пришлось оставить на попеченіе нѣмцевъ.

— „Братцы! Помогите!...“ — слышались крики. — „Нашъ сжигаютъ!...“.

Прорвавшаяся сотня, какъ одинъ человекъ, повернула обратно.

Для отпора русскихъ, нѣмцы отрядили большой отрядъ и снова завязался бой.

И вотъ на глазахъ сражавшихся станичниковъ „культурные“ германскіе варвары продолжали слѣдующую ужасную экзекуцію съ безпомощными ранеными солдатами.

Нѣмцы развели огромный костеръ, а когда пламя достигло наибольшаго напряженія, побросали туда всѣхъ нашихъ раненыхъ.

Страшные крики казаковъ-мучениковъ дали новую силу въ изнемогавшихъ станичниковъ и вскорѣ все мѣсто сраженія было усыяно непріятельскими трупами.

Изъ трехъ съ лишнимъ сотенъ нѣмцевъ уцѣлѣло двое спасшихся бѣгствомъ.

Остальные полегли.

Казаки достойно отметили варварамъ-германцамъ за своихъ товарищей, но снасти ихъ не могли — когда бой утихъ, на догоравшемъ кострѣ бѣлѣли кости.

Я. Е. В.

Введеніе русскихъ молитвъ въ англійское богослуженіе.

Въ послѣднее время англичане проявляютъ усиленный интересъ къ православному вѣроученію и богослуженію. Во всемъ королевствѣ были прочтены лекціи о русской церкви. По приказанію короля, въ пасхальное воскресеніе, въ присутствіи ихъ Величествъ, было спѣто „Спаси, Господи, люди Твоя“ въ англійскомъ переводѣ. Переводъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ руссофиломъ Бирдекомъ, который перевелъ также рядъ русскихъ молитвъ. Во всѣхъ англійскихъ церквахъ эти молитвы поются во время богослуженія, въ особенности во время молебновъ о дарованіи побѣды союзникамъ.

Ол. Е. В.

Библіографія.

М. Кальневъ, Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ, (штундо-баптистовъ, адвентистовъ, „евангельскихъ христіанъ“, молоканъ, духоборовъ и др.). Одесса, 1913 (2-ое изд.—1914-го г. 643 стр., ц. 2 р. 50 к.)

Авторъ, заглавіе книги коего только что выписано, занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ ряду нашихъ сектовѣдовъ. Онъ выступилъ на дѣло изученія русскаго сектантства 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда и русское общество и духовенство совершенно равнодушно смотрѣли на появившихся новыхъ диссидентовъ русской Церкви. Съ энергіей молодого дѣятеля онъ предался изученію русскаго сектантства-его быта, стремленій, вѣрованій, сначала очень недолго на Кавказѣ, а затѣмъ гл. обр.—на родинѣ, не только своей, но и вообще русскаго позднѣйшаго, т. н. раціоналистическаго, сектантства, въ Херсонской епархіи. И эта продолжительная миссіонерская дѣятельность его и весьма частые вызовы въ судебныя мѣста въ качествѣ эксперта по дѣламъ сектантскимъ дали ему возможность ознакомиться какъ съ мистическими, такъ въ особенности раціоналистическими нашими сектами не книжно только, а и лицомъ къ лицу, и выработали изъ него прекраснаго миссіонера-практика.

Г. Кальневу принадлежитъ уже нѣсколько сочиненій, оригинально освѣщающихъ разные моменты въ исторіи т. н. южно-русскаго штундизма, выдержившихъ не одно издавіе, имъ также изданы нѣкоторые важные документы сектантскаго ритуала. Новая его книга—„Обличеніе лжеученія“...—отрадное явленіе въ нашей миссіонерской литературѣ и, безъ сомнѣнія, сдѣлается настольною книгою не однихъ только официальныхъ миссіонеровъ, но и многихъ лицъ, ревнующихъ о благѣ православної Церкви.

По своему содержанію она раздѣляется на двѣ части. Первая, болѣе обширная, состоитъ изъ 24 катехизической или діалогической формы отдѣловъ, обнимающихъ собою весь кругъ обличенія лжеученія сектантовъ-раціоналистовъ, на основаніи св. Писанія, св. Преданія и ученія св. отцевъ Церкви. Каждый изъ этихъ отдѣловъ-бесѣдъ предваряется небольшимъ введеніемъ, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ словахъ отмѣчаются существенныя черты подлежащаго усвоенію вопроса; затѣмъ приводится рядъ сектантскихъ возраженій и отвѣты на нихъ православнаго; въ видахъ цѣльнаго и всесторонняго раскрытія защищаемыхъ авторомъ истинъ—посредственно засимъ пред-

лагаются имѣющія отношеніе къ трактуемымъ предметамъ выдержки изъ твореній свв. отцевъ и учителей Церкви, а въ концѣ всего—краткій конспектъ всѣхъ вопросовъ бесѣдъ съ указаніемъ по каждому изъ нихъ текстовъ, служащихъ къ опроверженію сектантскихъ мудрованій и утвержденію ученія св. Церкви православной.

Выдающаяся важность и значеніе одной первой части труда г. Кальнева говорятъ сами за себя. Всякій, понимающій миссіонерское дѣло, по опыту знаетъ, какъ трудно собрать весь матеріалъ сектантскихъ заблужденій, направленныхъ противъ вѣрованій православной Церкви. Собрать все ихъ возраженія весьма не легко, потому что сектанты не всегда выступаютъ съ ними открыто противъ защитниковъ вѣры Христовой. Въ книгѣ М. А. Кальнева не только выдвинуты и формулированы съ возможною полнотою возраженія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ противъ православной Церкви, но и даны въ большинствѣ случаевъ обстоятельные и весьма пригодные для нашей миссіи отвѣты на эти возраженія, выясняющія истину православія. При этомъ, вся масса возраженій и ложетолкованій сектантовъ заимствована авторомъ не изъ какихъ л. ученыхъ изслѣдованій, отыскана не въ книгахъ и библіотекахъ, а собрана на основаніи живыхъ полемическихъ бесѣдъ съ людьми, отбратившимися отъ истины, собрана во время его продолжительныхъ поѣздокъ по отдаленнымъ селамъ, деревнямъ и глухимъ хуторамъ Кавказа и Новороссіи. Отсюда—самъ авторъ въ извѣстномъ смыслѣ является источникомъ для изученія русскихъ сектантовъ, не говоря уже о томъ, что его трудъ восполняетъ все недостатки его предшественниковъ: даетъ отвѣтъ не только на религіозныя воззрѣнія сектантовъ, но и на соціально-политическія, не разбрасываясь, зорко преслѣдуя одну цѣль полемики съ секантами.

Вторая часть разсматриваемаго «Обличенія»... послѣ предисловія, излагающаго исторію сектантскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній и значеніе ихъ въ дѣлѣ сектантской пропаганды, подвергаетъ эти молитвенныя пѣсни русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ критическому разбору, и на основаніи этого разбора даетъ характеристику и оцѣнку сектантскаго религіознаго міровоззрѣнія. Эта часть, раздѣляющаяся на четыре главы, представляетъ собою совершенно новый, вполне самостоятельный трудъ автора. Зная, съ какимъ благоговѣніемъ относятся сектанты къ своимъ молитвеннымъ пѣснопѣніямъ, которыя они считаютъ священными, ставя ихъ наряду съ св. Писаніемъ, и убѣдившись многолѣтнимъ опытомъ въ огромномъ значеніи этихъ пѣснопѣній въ дѣлѣ сектантской пропаганды, М.

А. Кальневъ, путемъ кропотливаго, внимательнаго изслѣдованія то показываетъ, съ одной стороны, что сектантскія молитвенныя пѣснопѣнія, какъ составленныя людьми невѣжественными въ вѣрѣ, содержатъ въ себѣ не только много противорѣчій и недѣлностей, но даже грубыхъ еретическихъ мыслей, и поэтому въ глазахъ всякаго истиннаго христіанина заслуживаютъ не уваженія, а уничтоженія,—то, съ другой стороны, убѣждаетъ, что сектанты очень многое изъ того, что отвергаютъ въ православіи, въ молитвенныхъ своихъ пѣсняхъ признаютъ, воспѣваютъ и восхваляютъ, какъ святыню вѣры. Предпринятымъ анализомъ сектантскихъ пѣснопѣній дается, отсюда, новая возможность, кому это нужно, поражать упорныхъ сектантовъ ихъ же оружіемъ—обличать ихъ заблужденія ихъ же молитвенными пѣснопѣніями.

Такимъ образомъ и вторая часть разбираемаго миссіонерскаго труда М. А. Кальнева не менѣе цѣнна въ области православної противосектантской миссіи, чѣмъ и первая. Вся же въ цѣломъ обширная книга М. А. Кальнева представляетъ изъ себя цѣнный вкладъ въ сокровищницу в. небогатовъ пока нашей противосектантской литературы, знакомство съ нею—значительно облегчитъ пастырей, миссіонеровъ и ревнителей вѣры православної въ ихъ св. дѣлѣ защиты Церкви Христовой отъ ея враговъ и, несомнѣнно, послужитъ вразумленію тѣхъ изъ нихъ, кто дѣйствительно ищетъ спасенія души своей для вѣчной жизни.

Д. Г.

Свящ. Стефанъ Тутевичъ— „Библейское міротвореніе и естествознание“. (По новѣйшимъ даннымъ космогоніи, астрономіи, геологіи, біологіи, зоологіи, палеонтологіи). Ананьевъ. 1914 г. Ц. 1 р.

Книжка принадлежитъ отдѣлу изъ области естественно-научной апологетики. По содержанію представляетъ собою изъясненіе дней творенія по естественно-научнымъ даннымъ и примиреніе ихъ съ богословскими положеніями и истинами. Трудъ несомнѣнно имѣетъ свое значеніе, въ особенности, если принять во вниманіе критицизмъ въ вопросахъ религіи и вѣры соотечественниковъ. Для законоучителя онъ даетъ не мало новаго матеріала, при прохожденіи курса 7 класса гимназіи и потому ознакомиться съ этимъ произведеніемъ весьма не лишне!

П. И. Кадилинъ—„Историческій подвигъ Россіи въ эти дни въ дѣлѣ освобожденія славянъ“.

Названная брошюра схватываетъ величіе настоящаго историческаго момента и въ сжатомъ видѣ изображаетъ глубокія причины великой борьбы нашего отечества съ германствомъ и Турціей. На 50 страницахъ авторъ красочно излагаетъ завѣтную миссію Великой Россіи—стоять на стражѣ южнаго и западнаго славянства. Здѣсь воскрешаются славянофильскіе идеалы, при чемъ они иллюстрируются поэтическими произведеніями Хомякова и Тютчева и примѣняются къ совершающейся драмѣ народовъ. «Крестъ на св. Софію»—завѣтная мечта автора. «Царь-градъ—историческое наследіе Россіи». «Объединенное славянство подъ гегемоніей Россіи»—національный кличъ этого труда.

Легкость и простота изложенія дѣлаютъ эту брошюру наставительнымъ чтеніемъ для учащихся и цѣннымъ приобрѣтеніемъ для простаго народа. Въ такихъ книжечкахъ захватывается историческая эпоха и углубляется ея смыслъ и пониманіе.

(Адресъ: Житомиръ, 2-я гимназія).

«Законоучитель».

Редакторъ, Преподаватель Духовной Семинаріи В. Телятьевъ.

Печатать разрѣш. Цензоръ, Ректоръ Благовѣщенской Духовной Семинаріи
Протоіерей Александръ Миролюбовъ.

Электро-типографія Войскового Правленія Амурскаго казачьяго войска,
въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.